

18+

ВЕРА
ОКИШЕВА

НЕЖДАДАННАЯ ВСТРЕЧА

*От моей любви тебе не скрыться,
цыпочка*

Порой одна неожиданная встреча меняет жизнь круто и бесповоротно. Была синим чулком, офисной крысой, а стала самой желанной недотрогой во всём мире. Как же вернуться к прежней жизни? Но стоит ли цепляться за неё, или, может, лучше смело смотреть в будущее, где есть тот, кто пугает одним только видом, одним только словом? 18+

Нежданная встреча

Вера Окишева

— Давай, я тебе вставлю, — криво и нагло улыбаясь, предложил бандит, а у меня и так сердце было где — то в районе пяток, так теперь точно забилося ещё глубже.

— Что?! — визгливо вскрикнула, вжимаясь в стену, и отошла на шаг от него.

Господи, ну почему я пошла одна! Почему не взяла напарницу! Да и не сказала никому куда направилась! Дёрнуло же меня рвануть по первому звонку в этот криминальный квартал Ноствелла!

— Ну, ты же благодарна мне. Я спас тебя от изнасилования. Вот и отплатишь за спасение.

Я сквозь слёзы смотрела в стальные серые глаза, в которых не видела пощады. Да, он спас, прогнав троих головорезов, но сам, оказывается, не лучше их.

— Я не хочу! Может, я вам денег заплачу, только прошу, не надо, — голос подвёл, и я хрипло шептала, делая робкие шагжки, только чтобы оказаться подальше от бандита с выбритыми висками и широким невысоким ирокезом тёмных волос, со стальными гирляндами серёжек в ушах и татуировками на крепких руках.

Даже страшно представить, что он со мной сделает! Как сбежать?

— Деньги, конечно, хорошо, но знаешь, у меня от твоего запаха уже член колом встал, — сипло выдохнул бандит и одним размытым движением прижал меня к стене, от чего я вскрикнула, а его широкая грязная солёная ладонь накрыла мой рот.

— Ну чего ты трясёшься? Ты же хотела отблагодарить.

Я зажмурилась, слёзы сорвались с ресниц. Я попыталась оттолкнуть его от себя, чтобы не задохнуться от мерзкого запаха алкоголя.

— Прошу вас, не надо. Прошу, я не хочу, — бессвязно шептала, молясь господу, чтобы спас меня от этого ужаса, от боли и смерти. Ведь всем известно, что насильники обычно убивают свои жертвы.

— Эй, цыпочка, ты только в обморок не падай, — обиженно шепнул ненавистный голос. — Не хочешь — не надо, другую найду.

Тяжесть мужского тела резко пропала, и я, не поверив сначала, немного подождала, стоя с закрытыми глазами. Но услышала, что бандит уходит, и подняла веки. Мужчина шёл неровной походкой в глубь квартала, скрываясь в темноте улицы.

Я всхлипнула, медленно оседая на асфальт, поджала ноги и уткнулась лицом в колени, отпуская страх. Ну почему я такая невезучая? Второй день и такие проблемы. И с работы не уволиться.

— Эй, цыпа, будешь тут сидеть, точно оприходуют, — я вздрогнула и медленно подняла глаза на нависшего надо мной спасителя, который чуть пошатывался и с прищуром рассматривал меня, держа руки в карманах камуфляжных брюк. — Ты куда, кстати, шла? Давай провожу, всё равно ночь испорчена.

Задыхаясь от еле сдерживаемого рыдания, я не знала, что и сказать. Оглядела безлюдную улицу, которая притаилась в сумерках. Город Ноствелл спал, хотя это криминальный и бедный район. Я с трудом поднялась, с удивлением рассматривая своего спасителя. Он не ушёл, но явно уже не был настроен требовать от меня платы, а там дети меня ждут, я же тут расселась.

— Мне нужен пятнадцатый дом по улице Третьего рейда, квартира пять.

Мужчина нахмурился, огляделся, затем кивнул своим мыслям и, мотнув мне головой, повёл знакомой дорогой. Я только днём здесь была. Это моё первое задание. Дети жили без родителей, и кто-то ломился к ним в квартиру, в которую до этого они и меня не пускали. Старшая из них, девочка пятнадцати лет, работала прачкой, чтобы содержать младшего братика и боялась, что их разлучат. Марти только в начальную школу пошёл, и я не понимала, о чём думала Анна, отказываясь от соцзащиты. Да, Марти окажется в интернате, но ему там будет лучше, да и Анну я могла бы на год пристроить туда же. Но девочка заупрямилась, хорошо хоть визитку взяла, которую я подсунула под дверь. И вот она позвонила среди ночи, а я спешила им помочь.

— Дьявол, цыпа, ты можешь идти быстрее? — ворчливо отозвался спаситель, недовольно сверкая на меня сердитыми глазами.

Я поспешила за ним, но приблизиться боялась. В каждом переулке, как мне казалось, кто-то прятался, слышались шорохи, даже голоса.

Нужно было пройти три дома, и мы окажемся у пятнадцатого. Коленки от страха слабели, а поджилки тряслись, но я шла дальше, напоминая, что детям ещё страшнее. Мобильный ожил, я с трудом вытащила его из кармана жилетки. Сумочку отобрали, хорошо, что документы носила не в ней, а в карманах. Глупая привычка оказалась очень даже практичной. Денег в сумочке было мало, жалче косметики. Правда, как выбираться без денег из этого района?

— Да, — постаралась жалобно не пищать, так как звонила Анна.

Через пять минут мы с моим спасителем стояли в квартире Анны и Марти. Квартирка была настолько мала, что даже присесть было негде. Единственный стул в комнате, заменяющей и спальню, и гостиную, служил больше шкафом, на котором лежала аккуратной стопочкой одежда.

— Надо вызвать полицию, — заявила я, глядя на жмущегося к невысокой худенькой Анне Марти. Мне было их дико жалко. Одни в таком неблагоприятном районе. Хоть мы и спугнули тех, кто пришёл выколачивать долги родителей с детей, они обязательно вернуться. Сами родители давно своих детей бросили, и где они сейчас, те, конечно же, не знали.

— Не надо полиции, — тут же вклинился спаситель, повиснув у меня на плече, обдавая перегаром.

Я сморщилась и попыталась его оттолкнуть от себя.

— Как не надо! Это же коллекторы, они не отстанут от детей.

— Вот именно коллекторы, — кивнул мужчина, неуклюже и больно стукнул пальцем по моему носу. — К ним полиция не сунется. Цыпа, ты хотела детей в приют устроить, вот им там самое место. А то эту продадут в проститутки, пацанёнка на органы, так что полиция их не спасёт.

Я от ужаса оцепенела.

— Ч-что? — даже заикаться стала, жалобно глядя на детей, которые с мольбой и таким же животным страхом смотрели на меня.

— А то. Сегодня ночуем здесь, а завтра увози их к себе в отдел.

Кто бы мог подумать, что мой спаситель окажется столь отзывчивым к трагедии незнакомых детей.

— Тебя, цыпа, как звать? — неожиданным вопросом брюнет вырвал меня из раздумий о

том, как мы все разместимся в этой комнате. Дети, кажется, были в шоке от того, что с ними произошло. Я же социальный работник и должна была успокоить их, но сама тряслась от страха как лист на ветру.

— Что? — обернулась я к мужчине, который сидел на полу, подпирая спиной входную дверь. Как её с петель не сняли, уму непостижимо, она не внушала доверия, хотя на удивление оказалась крепкой, выдержав несколько ударов коллекторов.

— Звать как? — шурясь от яркого света, повторил вопрос мужчина. — Меня Ральф.

— Простите, — замешкалась я, не зная, говорить настоящее имя или нет. Он всё же не был приятным знакомым и от него хотелось поскорее избавиться, но опять же нужно показать детям, что всё хорошо, а как меня зовут, они знают и раскусят моё враньё.

— Я мисс Наполло, отдел...

— Я про имя спрашивал, — грубо прервал меня мужчина, неприятно скалясь.

Я смутилась, косо посмотрела на притихших детей и решила:

— Ада.

— Ада, — повторил Ральф, словно пробуя моё имя на вкус. — Красиво и мягко. Тебе подходит, цыпочка.

На этом вопросы у него закончились, да и его телефон зазвонил. Он начал общаться с кем-то, используя исключительно ненормативную лексику, и половины слов я вообще не поняла.

Мы с Анной уложили Марти, и я предложила девушке тоже поспать, а также успокоила по поводу завтрашнего дня. Всё же для этой парочки интернат станет спасением, но, увы, конечно же, страхи по поводу того, что их разлучат, я развеять не могла, так как лгать детям нельзя.

— Всего год, а потом ты, если его не усыновят, сможешь навещать его.

— А если усыновят? — тихо, не пряча отчаяния, спросила Анна, а я обняла её, тяжело вздыхая.

— Прости, но адрес приёмных родителей тебе никто не сообщит. Это их право, так как они будут нести ответственность за Марти. Ты должна их понять.

Девушка всхлипнула и, обняв брата, легла вместе с ним на матрас, который служил детям кроватью. Я тоже расстроилась, но таковы законы и правила. Вышла на кухню, которая была соединена с прихожей и села на пол. Ральф вытянул ноги, заняв собой весь коридор, и, кажется, задремал. Я поправила юбку, обняла колени и уткнулась в них лбом. Дурацкая работа, но, увы, на другую меня не взяли. Нужен был опыт, чтобы перейти в департамент образования. Мне родители пророчили блестящее будущее государственного служащего, вот только не сказали, что придётся сталкиваться с таким ужасами.

Утром меня разбудил этот похабник, который во всеуслышание разглагольствовал о том, что титьки у Анны выросли, а вот ума нет. Я встрепенулась и резко села. Лежала я на боку и под головой вместо подушки у меня была часть одежды детей со стула.

— Да кому вы нах*** нужны, безмозглая? — рывкнул мужчина двери в ванную комнату, за которой прятались Анна и Марти. Я не сразу оценила обстановку, с трудом соображая. Тело ломило от неудобной позы и жёсткого пола.

— Короче, я сейчас ломаю эту дверь, — со злостью пригрозил спаситель и на моих глазах пнул преграду между ним и детьми. Дверь подкосилась, а я испуганно вскрикнула и бросилась спасать детей.

— Хватит! Хватит! — встала я между Ральфом и дверью. — Прошу, не надо причинять им вред.

Мужчина лишь покачал головой и провёл рукой по ирокезу.

— Вообще-то, я ссать хочу! Могу, конечно, и в окно, но как-то в сортире привычнее.

— Ой! — вырвалось у меня, когда я заметила, что мужчина смущён. Обернувшись, открыла дверь и помогла детям выйти. Ральф стремительно ворвался в ванную и даже дверь прикрылся, затем шумно справил свою нужду, а мне досталась роль успокоительницы и наставительницы. Позвонив напарнице, я объяснила ситуацию, и мы с детьми стали готовиться к переезду. Я помогала им собираться, а Ральф рылся в пустом холодильнике, удивляясь, что даже простой воды нет, а у него после вчерашнего сушняк.

Когда прибыла моя напарница Маргарет с водителем Ником, мы с Анной и Марти были готовы. Ральф попросил денег за спасение, я объяснила, что у меня украли сумочку, в которой они были. На удивление спаситель не стал ни на чём настаивать, хотя, признаться, я этого опасалась. Пожав плечами, проводила мужчину, который не хотел светиться перед моей напарницей.

Забирать детей — это очень муторное дело, нужны свидетели, что мы не силком уводим, а с их согласия, иначе родители могут на нас заявить. Составив протокол в присутствии соседей, мы объяснили Анне и Марти некоторые моменты их проживания в интернате, а также дозвонились до арендодателя, дав ему контактные номера телефонов на случай, если появятся непутёвые родители. К сожалению, квартиру за детьми никто, конечно же, оставлять не собирался, особенно с неоплаченным долгом. Анне я объяснила, что возвращаться ей некуда, так что лучше ей быть благоразумной и довериться государству. После интерната выпускникам положена комната и довольствие на первое время. Девушка молчаливо кивала головой, не выпуская из объятий хнычущего Марти.

Вечером я устало возвращалась домой пешком, голова от недосыпа раскалывалась. Утром, сдав детей в интернат и вернувшись в офис, я первым делом позвонила своему арендодателю, извинилась за то, что потеряла ключ и попросила сменить замок. Когда же добралась до дома, то зашла сначала за новой связкой ключей и только потом поднялась на свой третий этаж.

Приняв душ, закутавшись в банный халат, я торопливо вышла из ванной, так как кто-то настырно звонил. Даже не взглянув в глазок, открыла дверь и замерла как кролик перед удавом. На пороге моего дома стоял Ральф, держа в руке качающуюся на лямке сумочку.

— Привет, цыпа, прости, забыл, как зовут. Я тут кое-что твоё нашёл, подумал что, наверное, очень важное, надо занести, — я хотела закрыть дверь, но мужчина был быстрее. — Эй, кто так добрых знакомых встречает?! — возмутился брюнет, войдя и захлопнув за собой дверь.

Я же пятилась от него, сжимая на груди халат.

— Что тебе надо? — испуганно спросила, поражаясь своему невезению. Как он узнал, где я живу? Зачем пришёл?

— Цыпа, только давай без слёз. Твоё?

Ральф просто наступал на меня, пока я не врезалась в дверь ванной комнаты, которую забыла закрыть. Вздвогнув и чуть не упав, я испуганно вскрикнула, когда почувствовала, что Ральф меня прижимает к себе. Опять он закрыл мой рот ладонью, сурово сдвигая брови.

— Цыпа, харе верещать, а то соседи полицию вызовут. Твоя сумка, говорю, или нет?

Я кивнула, с удивлением отмечая, что от мужчины не воняет, и он тоже успел принять душ и даже переодеться. Джинсы и белая майка, типичная одежда гангстеров южного квартала.

— Так и знал, что не ошибся, — расплылся в улыбке Ральф, шепнув на ушко: — Теперь-то дашь вставить?

Я отчаянно замотала головой и стала вырываться. Но разве можно было освободиться из стального захвата мужских крепких рук слабой незащищенной женщине. От бессилия и ужаса я разревелась и стала кричать и биться в истерике.

— Цыпочка, ты трёшься о мой член!

Я замерла, рыдая. Этот самый упомянутый орган характерно упирался в бедро, и страшно было до икоты. Никогда никто меня не насиловал! Это было ужасно! Мерзко и унижительно даже от одной мысли! В моём собственном доме!

Ральф тёрся носом о мою шею, обжигая дыханием.

— И чё упрямишься? Поверь, я буду с тобой нежен.

Я тут же замотала головой, от чего Ральф вскрикнул, отскакивая и зажимая пострадавший нос, сверкая на меня злым взглядом.

— Дьявол, женщина, ты просто невыносима! — рявкнул он на меня и вошёл в ванную, громко хлопнув дверью.

Я бросилась искать телефон, чтобы вызвать полицию, да так и замерла над диваном, немного не дотянувшись до розового пластикового прямоугольника, услышав голос мужчины, доносившийся из ванной.

— Я столько не онанировал даже в школе! От одного взгляда встаёт! Чего ты хочешь, цыпа? Ты скажи, я всё сделаю!

Он болезненно застонал, я же представила, чем он там занимается, и передёрнула плечами. Так откровенно со мной ещё никто не говорил. Господи, ну почему я такая невезучая? Ну чего он прицепился ко мне?

Я схватила телефон и в нерешительности замерла — вызывать полицию, или сам уйдёт?

— У тебя лёд есть? — крикнул Ральф, открывая дверь. Он прижимал к носу моё белое полотенце, на котором появились подозрительно красные капли.

— Ой! — испугалась, что сломала ему нос. — Прости, я не хотела! — жалобно взмолилась и бросилась на кухню к холодильнику.

Лёд, конечно же, у меня был, и я достала формочку, подставила её под горячую струю воды из-под крана, наблюдая, как мужчина присел на стул, подпирая рукой голову, и смотрел на меня, улыбаясь.

— Да не переживай. Это пустяк. Скоро пройдёт.

Взяв чистое полотенце, опрокинула на него кубики льда и, сжав концы ткани, подошла к Ральфу. Страшно было, но куда тяжелее от осознания, что я причинила ему боль. Он убрал полотенце, и я вновь пустилась извиняться. Кровь не останавливалась, пачкая губы и подбородок.

Аккуратно, чтобы не тревожить ушиб, приложила лёд, и тут же оказалась в крепких объятиях. Ральф зажал меня коленями, одной рукой придерживал за талию, второй держал полотенце, которое у меня выскользнуло из пальцев.

— А если на свидание приглашу?

Я заморгала, не понимая, чего ему надо от меня.

— Может, подарки ждёшь? Ты озвучь, я придумаю чё-нить. Ну?

— Что ну? — я осторожно попыталась вырваться, да только оказалась у негодя на коленях.

— Посмотри, ещё течёт кровь? — убрав полотенце, он продемонстрировал испачканный нос, из которого медленно текла красная струйка, и, срываясь с подбородка, капала на грудь мужчины, пачкая её основательно. Я кивнула и пристроила полотенце обратно.

— Ральф, давай, ты просто домой пойдёшь? Прошу, иначе вызову полицию, — пригрозила я, демонстрируя зажатый в кулаке телефон.

— Не надо полицию, — обиженно повторил за мной бандит, прижавшись головой к моему плечу. Я мысленно застонала, но оттолкнуть не получилось. — Чё ломаешься? Ничего плохого я тебе не сделаю. Я не такой, как те, что к тебе вчера приставали, и с этими я разобрался. Так что говори, чего хочешь?

— Иди домой, — попросила вновь и вздрогнула, когда Ральф поднял на меня серые стальные глаза. Холод пробежался по позвоночнику и икота началась.

Мужчина чуть удивлённо приподнял густые брови, затем убрал полотенце и, усадив меня на стул, зачем-то схватился за стакан и налил из чайника воды. Только когда он протянул его мне, поняла, что Ральф стремился угодить. Кровь всё также капала у него из носа, мужчина смешно фыркал, пытаясь стереть её рукой. Я оглядела его испачканную одежду, брונет проследил за моим взглядом, выругался и, прихватив лёд, заперся в моей ванной, а я осталась в кухне бороться с икотой и страхом. Позвонить в полицию не решилась. Вроде как не нападает, сумочку принёс. Я, вспомнив о своей вещи, подняла её с полу и сделала ревизию того, что осталось из содержимого.

Денег, конечно же, не нашла, косметика пострадала и даже сильно. Тени и румяна рассыпались. Тушь осталась цела, как и помада, а вот духи вылились (откололся один уголок), пришлось выкинуть флакон. Влажные салфетки не пострадали, как и визитки, скидочные купоны и карточки. Даже банковская карта и та оказалась на месте. Тяжело вздохнув, в уме стала подсчитывать, во сколько обойдётся поход в парфюмерный бутик.

— Цыпа, есть ещё полотенце? — вздрогнула от громкого крика.

Я даже забыть про него успела, так увлеклась жалостью к себе. Конечно, полотенце у меня было, и я, робко постучав, подала его обнажённому бандиту, который скалился мне в клубах пара.

— Ой! — вскрикнула и отвернулась, дверь за спиной закрылась, а образ обнажённого парня с татуированными руками и плечами, в клубах пара в моей ванной никак не уходил, будоража и зля одновременно. Какого лысого чёрта он решил помыться?

— Цыпа, ты красная как помидорка, — ласково шепнул Ральф и ущипнул меня за ягодицу. Я взвизгнула и даже осмелилась его стукнуть в мокрую грудь, ругаясь:

— Ты чего себе позволяешь? Кто разрешил тебе мыться у меня в квартире? Мойся у себя дома!

— Ой, всё! Разоралась! — гаркнул бандит так, что я присела, вспоминая, кто передо мной. — Всего-то потратил немного воды и мыла, чего орёшь, как будто разорил?

Я разглядывала широкую спину, украшенную разноцветной татуировкой, состоящую из черепов, кинжалов и роз с шипами. Ральф был очень широкоплечим и мускулистым. Белое полотенце подчёркивало упругие ягодицы, да и икры впечатляли рельефами. Я сглотнула, пытаясь сообразить, но получалось плохо.

— Цыпа, разве твои друзья не моются у тебя в гостях? Вроде на жадную не похожа, я

даже думал, ты добрая, раз так рвалась помочь тем сиротам.

Ральф по-хозяйски включил чайник, открыл холодильник и стал в нём что-то выискивать. Интересно что? Я на диете и кроме йогуртов ничем пока не питаюсь.

— Дьявол, женщина, ты чё, бедствуешь? Ты же государственный служащий.

— Третий день всего.

Оправдаться или же выставить его даже не пыталась, к тому же, как заявил Ральф, его шмотки стираются. Я села напротив него за стол и наблюдала, как он ел мои йогурты маленькой ложечкой, ворча, что голодный как волк, а есть у меня нечего. Затем сходил в ванную и по телефону с кем-то опять ругался, приказывая сгонять для него в магазин.

Тут я встрепенулась.

— А ты когда домой? — как можно менее навязчиво спросила, так как резко с ним разговаривать сложно.

— Так не в чем! — усмехнулся нахал и прошёл в гостиную, где развалился на диване. То, что он без белья, поняла, так как увидела, когда он расставил ноги, запрокидывая руки на спинку дивана.

— Пульт не подашь? — поинтересовался извращенец, кивая головой на журнальный столик.

Я протянула ему то, что он требовал, пытаюсь быть сдержанной.

— А у друга своего не можешь попросить одежду? Пусть захватит заодно и сменное бельё?

Ральф удивлённо приподнял брови, затем резко схватил меня за запястье и дёрнул, опрокидывая на себя. Я испуганно взвизгнула, выставляя перед собой руки.

— Цыпа, я могу и обидеться. Я тебя спас, потом бегал по кварталу, искал твою сумку и это твоя благодарность — выставляешь вон, как бешеного пса?

Я неуклюже пыталась встать, но только всё больше растекалась по обнажённой и ещё влажной груди.

— Ральф, я просто не хочу с тобой спать! А ты требуешь от меня секса!

— Так денег-то у тебя нет, — невозмутимо отозвался мужчина, усаживая меня к себе на колени.

— Есть, только на карте. Я хоть сейчас сниму, только прошу, не надо меня лапать! — нервно вскрикнула и, попытавшись слезть с колен, схватилась за край стола, подтянувшись на руках, но крепкие объятия прижимали к мужскому телу, не давая вырваться.

— Цыпа, не вертись, а то я уже хочу тебя в этой позе. У тебя такие мягкие булочки и так приятно давят мне на член.

Я развернулась, с трудом сдерживая слёзы, и в порыве праведного гнева замахнулась, чтобы вlepить пощёчину, но Ральф перехватил руку, похабно скалясь. Правда, недолго улыбался, резко нахмурился, опрокинул на диван, придавив своим телом.

— Дьявол, цыпа, что опять не так? — тихо рыча, вопрошал этот подлец.

— Хватит меня унижать! Я сказала, что у меня есть деньги, я отдам тебе всё, до последнего цента, только перестань пугать, что изнасилуешь. Я на тебя в полицию заявлю, имей в виду!

Достать бы телефон из кармана и точно позвоню! Но добавлять этого не стала. Ральф замер, затем отпустил меня, вскакивая с дивана. Нервно проведя рукой по волосам, он сходил в ванную, вернулся, медленно вышагивая перед телевизором, наблюдая, как я поправляю халат на коленях и груди.

— Цыпа, я тут перед тобой рассыпаюсь комплиментами, какая ты красивая, а ты ревёшь! Да, дьявол, у меня ещё ни на одну не вставал только от взгляда, только от запаха. Просто крышу сносит, думать не могу ни о чём, только бы как тебе вдуть.

Я насупилась, глядя на Ральфа исподлобья. Он красовался передо мной голым торсом, весь из себя сердитый и оскорблённый, а я уже столько слёз из-за него пролила, что голова заболела.

— Я не хочу, чтобы ты мне вдул! И вообще, сказала же, что деньги отдам.

— Ха, — невесело рассмеялся бандит, опираясь руками о столик, и уставился на меня злым взглядом, — а сама потом на что жить собралась?

Я смутилась, вообще не понимая ход его мысли.

— Какая тебе разница? Я не такая и бедная. Справлюсь, не маленькая уже.

— Только глупая, — сердито рыкнул Ральф и оглянулся на пищащий домофон. — Полицию вызвала?

Я испуганно замотала головой, сжимая на груди халат. Слишком резко мужчина изменился, превращаясь в жестокого и беспощадного монстра, стиснул зубы, чуть приподнимая верхнюю губу. Страшно стало так сильно, что опять заикала. Тяжело вздохнув, Ральф опустил голову, сокрушенно ею качая, словно это он не знает, что делать со мной и как выставить за дверь, а не я тут мучаюсь из-за незваного гостя.

Медленно выпрямившись, брюнет взглянул на домофон, затем на меня и мотнул головой, приказывая подойти.

Я подчинилась, мысленно молясь, чтобы меня спасли, ну хоть кто-нибудь!

— Да — ик! — а? — нажав кнопку, спросила, на экране отразился не менее страшный мужчина с серьгами в ушах.

— Ральф у тебя, сучка?

— Что? — беспомощно оглянулась на Ральфа, надеясь, что ослышалась. А тот расплылся в глумливой ухмылочке, подошёл и нажал на кнопку, впуская очередного хама в мой дом.

— Как он меня назвал? — начала истерить, так как никогда в жизни меня подобным словом не называли.

— Да не обращай внимания, — как можно ласковее заявило мне обнаглевшее хамло, притягивая к себе за талию и всё больше ухмыляясь. — Он просто никогда не видел таких красивых, как ты.

— Сучек? — переспросила, так как слово прозвучало и впилося в мозг как пиявка.

— Тёлочек, — поправил меня бандит, склоняясь чуть ли не к губам.

Я взвизгнула и рефлекторно подняла колено, правда, удар не получился, так, по бедру проехала, но Ральф намёк понял и убрал от меня стратегически важное место.

— Дьявол, ну ты и дикая, — опять обиженно шепнул он мне, прежде чем открыть дверь, когда в неё позвонили.

Я наблюдала за мужчинами, сидя за столом. Как же мне их выпроводить из моей квартиры? Это просто уже не смешно! Ещё и хамят, обзываются. Взглянула в открытую дверь ванной на стиральную машину. Ещё полчаса, потом сушка. В кармане тяжелеет телефон, и порыв вызвать полицию креп в душе. И чего я совестливая такая? Хотя вид двух перекачанных мужчин у себя на кухне, занимающихся готовкой, впечатлял моё воображение. Не думала, что бандиты умеют что-то ещё, кроме как бить, грабить, насиловать и убивать.

Тяжко вздохнула, рассматривая две пары упругих ягодиц: одни, укутанные махровым полотенцем, другие, обтянутые в спортивные штаны. Красиво, но опасно.

— Седьмой послал тебя разыскать, — сообщил друг Ральфа, которого звали Фред. Высокий мускулистый мужчина, стриженный чуть ли не под ноль, с наушниками на бычьей шее и в уличной куртке, он стоял возле Ральфа и помогал ему — чистил картофель.

— Х***во, — бросил ему брюнет, подмигивая мне.

— Может, присунешь ей по-быстрому, и пойдём? — предложил Фред, от чего я опять икнула.

Только-только успокоилась, столько воды выпила! Вскочив со стула, заперлась в ванной. Первый мой порыв одна наглая морда разбила сразу, крикнув, что без своих шмоток не уйдёт, так что смысла запирается в ванной нет. Теперь я просто от страха захотела уединиться, чтобы не слушать их пошленькие предложения. Правда, долго сидеть было скучновато, поэтому я прижала ухо к дверям, подслушивая за бандитами.

— Как не даёт? А ты чё, спрашивал ещё? Нагнул раком, вставил и...

— Хлебало закрой! — рыкнул Ральф, вызывая во мне уважение к себе. — Будешь ещё рассказывать мне, как тёлочек дрючить, — нет, не вызвал. Я опять насупилась. Ну почему только об этом они и говорят! Других тем, что ли, нет?

Фред заржал как конь и похабно предложил:

— Могу и поддержать, раз рыпается.

За дверью послышалась возня, брякнул стул, а затем донёлся чей-то хрип. Я сжалась от страха, трясущейся рукой достала телефон, как вдруг услышала Ральфа:

— Даже не смей её пальцем тронуть, она моя.

— Понял, — прохрипел Фред и опять тишина. Я прижалась к двери сильнее, слушая, как на раскалённой сковородке шипит растительное масло, опять скрипнул стул, и что-то бухнуло.

— Ну так что передать седьмому, я нашёл тебя?

— Не видишь, что нет, — отозвался недовольно Ральф.

— Босс не любит долго ждать, — голос Фреда быстро восстановился и набрал силу.

— Да кто любит. Только не могу я её бросить. Пожрать в доме нечего. Как живёт? — выговаривал Ральф чуть вдалеке. Я его хуже слышала, чем его друга. Стиральная машина отсчитывала время, напоминая, что ещё пятнадцать минут и закончатся мои мучения.

— На тебя не похоже, — глубокомысленно заметил бритоголовый. — Обычно сучки тебя облизывают, ну никак не наоборот.

— Захлопнись, самому тошно. Особенно когда глазищами своими синими на меня уставится, полными слёз, в душе всё переворачивается.

Я отпрянула от двери. Если с души от меня воротит, то чего не уходит? Я подошла к зеркалу, рассматривая своё отражение. Нормальные у меня глаза, обычные. Поправила почти высохшие волосы, которые забыла уложить из-за некоторых типов, и теперь они вились каштановыми волнами. Да, не красавица, но я считала себя очень даже ничего, симпатичной. Невысокая, зато стройная. За мной в университете много парней увивалось, правда, на новой работе пока не сложились отношения ни с кем, только с напарницей. Вдруг я вспомнила о Маргарет. Могу ли я просить у неё помощи? Или же только усугублю, впутывая её в свои проблемы?

Стук в дверь был таким оглушительным, что я выронила телефон, и он рассыпался по кафельному полу.

— Выходи, похаваем! — невежливо пригласил меня Фред, а я встала на колени и стала собирать составные части от моего пусть и старенького, но любимого телефона. Столько лет со мной прожил, столько падений пережил.

— Ты там чё притихла, а, сучечка? Тужишься? — глумился надо мной бритоголовый, а мне себя так жалко стало. И так день тяжёлый, я не выпалась, ещё и этот ржёт как конь за дверь. Всклипнув, сквозь слёзы собрала телефон и ещё больше расстроилась, когда поняла, что он не включается. Надежда на спасение забилась в конвульсиях. Не хочу, чтобы меня насиловали, как же быть?

— Цыпа, слышь меня? — раздался за дверь голос Ральфа. — Может, таблетки надо?

— Ничего мне от тебя не надо, — тихо-тихо шепнула, поджимая колени к груди, спрятала их под халатом и уткнулась лицом. — Ничего мне не надо, — получилось чуть громче.

— Может, она коньки отбросила? Сразу же было видно, что больная.

— Она икала от страха.

— От страха сердце может остановиться.

— Бл**! — рыкнул Ральф, а я даже голову не успела поднять, чтобы остановить его. Ведь понимала, что за этим последует и вот, сокрушающий удар пробил дыру в двери в ванную, а затем в эту дыру пролезла рука и дотянулась до ручки. А я как сидела возле душевой кабинки на полу, так и сидела, оплакивая свои кровные. Что я теперь скажу арендодателю? Сколько стоит замена дверей?

— Цыпочка, ты чего? — мягко спросил Ральф, опускаясь передо мной на колени.

— Вот мокроту развела, — брезгливо выдал Фред и ушёл, оставив нас одних.

— Уйдите, ну пожалуйста, — жалобно попросила я у Ральфа. — Я очень тебя прошу. Я не хочу тебя. Честно-честно. Я отдам тебе деньги, только уйди.

— А много она тебе должна? — вновь появился Фред в дверном проёме.

Ральф погладил меня по волосам, тяжело вздохнул.

— Да уйду я, уйду.

В тишине квартиры, под убаюкивающие звуки города, я лежала на кровати, прижимая руками одеяло, и рассматривала полоску света на потолке, пробивающуюся сквозь плотные шторы. Он ушёл! Как ни странно, но ушёл. Покормил, конечно, сначала, заставляя давиться жирным, жареным дарёным картофелем, потом оделся в чуть влажную майку и джинсы, а затем ушёл, прихватив с собой дружка, который стонал, что не успел доесть.

Теперь меня съедало чувство стыда. словно сделала что-то ужасно плохое, только что? Ведь я просто попросила его уйти. Я ведь не звала его. Почему же на душе так противно и гадко. Как собаку бездомную приютила, а потом выгнала на улицу под холодный проливной дождь. За окном сверкнула молния, и хлынул ливень. Я перевалилась на бок, лицом к двери. Я же ничего не сделала плохого... Ничего... Он же меня хотел изнасиловать... За окном опять гроыхнуло. Я закрыла голову одеялом. Как же мне плохо!

Мысль о том, что после очередной бессонной ночи мне нужно отработать последний день перед уикендом, придавала силы, но не радости. Придётся ехать к родителям и просить денег на восстановление дверей и на новый сотовый. Мой старый аппарат так и не включился, чуть из-за него не опоздала на работу. Напарница уже отчитала, что я должна как можно скорее купить себе новый телефон. Но я боялась тратить деньги, так как ожидала,

что за ними нагрянет Ральф.

Мысли о нём не покидали меня весь день и терзали душу. Под конец рабочего дня опять начался дождь. Нас с Маргарет пригласили в бар пропустить пару стаканчиков пива. Напарница сама согласилась и меня уломала. Хотя я не могла себе позволить такие растраты. Всего нас, коллег, было восемь: трое мужчин и пять женщин. Мне приглянулся Аарон Донаван, наш юрист. Он галантно помог всем женщинам сесть, сделал заказ и пообещал угостить выпивкой, только умолял его не разорить. Я любила такие вечеринки, и мы часто студентами выбирались в питейные заведения, те, что с караоке.

Маргарет тоже оказалась весёлой девушкой, и мы с ней спели парочку хитов, лихо выплясывая под аккомпанемент наших коллег.

Но, как всегда, вечеринки быстро заканчивались на самом интересном месте. Три часа пролетели как один миг. Семейные коллеги засобирались домой и мы и Маргарет тоже. Правда, как оказалось, денег, чтобы расплатиться, у нас не хватило, и все почему-то свалили на меня счёт, прикрываясь тем, что эта вечеринка в честь меня.

Маргарет пообещала помочь и съездить снять денег с банкомата, так как в заведении не было терминала. Я сидела, тоскливо ожидая её приезда, разглядывая мокрую улицу, капли дождя, сползающие по стеклу витрины.

— Ну что, цыпа, опять вляпалась? — раздался рядом голос Ральфа.

Я обернулась и недоумённо взглянула на него. Мужчина был жив-здоров, я с облегчением вздохнула, а то за ночь чего только в голове не прокрутила. Правда, он был мокрый, словно под дождём гулял, хотя, вернее всего, так и было. Откуда он ещё взялся, если не с улицы. На нём была спортивная куртка, скрывающая широкие плечи и красивую вязь татушек. Жалко, печально вздохнула. Затем подняла глаза на хмурое и недружелюбное лицо и вспомнила, что он мне сказал.

— Почему? — тихо спросила.

— Кинули тебя все, — хмуро отозвался спаситель, разворачивая к себе чек, который лежал передо мной вместе с деньгами, оставленными коллегами.

— Сколько не хватает? — резковато спросил он, затем хмуро сгрёб наличку, пересчитал и подозвал официанта.

Я же пребывала в ступоре. Никак не могла понять, почему он решил, что меня все кинули.

— Закрывай счёт, — приказал Ральф и встал, протягивая мне руку.

— Я не могу. Сейчас Маргарет вернётся.

— Ага, щаз. Она уже давно дома и сюда точно не вернётся.

Слабо верилось, что Маргарет на подобное способна. Хоть я её и знала всего три дня, но почему-то стало обидно за неё. Я замотала головой, не желая никуда уходить.

— Ральф, она точно вернётся, она обещала. Только деньги снимет и приедет.

Мой спаситель присел возле меня на корточки, вглядываясь мне в лицо цепким и каким-то холодным взглядом.

— Что ж ты добрая такая? — тихо шепнул он, поглаживая меня по коленке.

Я улыбнулась, пожалала плечами, склонила голову чуть набок, заглядывая в серые глаза, обрамлённые густыми чёрными ресницами.

— Ой. Они у тебя такие длинные, как у телёнка, — восхитилась и хотела потрогать, но мужчина дёрнулся, и я угодила ему в глаз.

— Дьявол, да чтоб тебя, женщина! — вскричал Ральф, вставая на ноги. Я испуганно

вздрагнула, а когда поняла причину его рыка, бросилась гладить по груди, уговаривая простить меня.

— Я нечаянно. Дай посмотреть, где болит.

Ральф сел на стул. Я подула ему в глаз, приговаривая, что краснота спадёт, если примочку из чая сделать.

— У тебя дома чай есть? — хмуро спросил он меня, я кивнула.

Конечно, у меня есть чай, у кого его нет.

— Тогда поехали.

До дома Ральф меня довёз на подержанной машине, в которой было накурено. Сам мужчина вроде не курил. Я открыла окно и вдыхала запах мокрого асфальта. Дождь продолжал лить, но уже не так сильно и отсутствие зонта нисколько не волновало. У самого дома Ральф не стал останавливаться, не доехав до него квартал. Я безропотно подала ему влажные салфетки, которые он попросил, а затем меланхолично понаблюдала, как он обтирает ими руль и ручки, что со своей стороны, что с моей.

— Сиди, — приказал и галантно открыл мне дверь, правда, руку не подал, увлечённый другой ручкой двери с внешней стороны.

Только на улице поняла, что машина краденная, и вовсе не от дождя мы спешим укрыться в доме.

— Ральф, там же камеры. Меня же поймают.

— Дождь, видео плохое, так что не переживай, цыпочка. Никто не узнает, да и далеко от твоего дома-то. Так что поспешим, а то промокнешь.

Меня трясло от страха, я в жизни не делала ничего противозаконного! А Ральф спокойно набрал код от домофона, открыл передо мной дверь в подъезд и спокойный, как слон, повёл меня к моей же двери, которую открывала уже я.

— А ты откуда код знаешь? — осенила меня догадка, что как-то он уже проник в подъезд.

— Видел, какие кнопки ты нажимала, — ответил он, неловко толкнул меня внутрь квартиры и закрыл за собой дверь.

И вон я оказалась тет-а-тет с ним в моей квартире, и тут до меня стал доходить весь ужас произошедшего! Только вчера еле-еле его выпроводила, сегодня сама же и запустила! Хоть и была подвыпившая, но соображала, что угодила в ловушку. Затравленно взглянула на то, как Ральф скинул кроссовки и куртку, прошёл к дивану, чтобы упасть на него своей тушей, от чего тот жалобно скрипнул. Взгляд стальных глаз прошёлся по скудному интерьеру гостиной, затем замер на мне.

— Чё встала, лечить будешь? — усмехнулся мужчина, от голоса которого я вздрогнула, откровенно паникуя. Телефона нет, придётся кричать, чтобы разбудить соседей. Но отзовётся ли кто на мой крик о помощи?

Ральф глухо застонал, вырывая меня из ступора, и прикрыл глаз рукой.

— Думаю, завтра вообще не смогу им смотреть, — жалобно пожаловался бугай, а я даже растерялась в первый момент. Несчастный пострадавший же прилёг на поручень, жалостливо поглядывая на меня оставшимся глазом, и я рванула в кухню, по пути скидывая сырой плащ. Точно, чего мы приехали-то, надо лечить его глаз. Заварив чай, приготовила ватные диски.

— Цыпа, будь добра, сделай мне чай, а то я из-за дождя замёрз.

— Сейчас, — с готовностью отозвалась, ставя на стол две кружки для себя и него.

Когда делала ему примочку, была крайне насторожена, но пациент руки не распускал, и вообще, кажется, засыпал на ходу.

— Я тебе завтра деньги верну, — пообещала я мужчине, стирая ватным диском стекающую по виску коричневую дорожку чая.

— Опять ты про деньги, — недовольно заворчал Ральф, открывая целый глаз. — Слушай, а щипать и должно?

Я кивнула, но на всякий случай убрала примочку и осмотрела дело рук своих. Опухоли не было, только капилляры покраснели.

— Прости, я хотела реснички потрогать, — очередной раз извинилась перед ним. Наверное, это уже входит в привычку.

— Трогай, только аккуратно, — с улыбочкой, от которой кривиться хочется, дал добро Ральф. Я же махнула на него рукой и ушла на кухню за чашками с чаем. Пьяный порыв рассматривать бандита пропал. Меня теперь заботило, что я скажу полиции, когда они нагрянут. По логике я ни в чём не виновата, это Ральф украл машину, а меня просто галантно подвёз и даже не до дому. Но если спросят, я ничего, кроме имени, не знаю.

Поставила чашки на журнальный столик и присела на пуфик, подальше от развалившегося на диване мужчины.

— Ральф, а что мне светит за угон машины? Штраф или тюрьма? Я в законах слаба.

Он рассмеялся, сел, придерживая примочку, потянулся за чаем.

— Ничего тебе не будет, не ты же угоняла тачку, — я с облегчением вздохнула. Конечно, я так и предполагала, но услышать подтверждение от другого человека стоило.

Разговор у нас с ним не клеился, я предложила ему печенье, которое нашла в верхнем шкафу — мои стратегические запасы на крайний случай — ещё осталась вчерашняя жареная картошка. Ральф подъял всё и смотрел телевизор, пока я попивала свой чай, гадая, когда он домой поедет?

— Ральф, а можно твоим телефоном воспользоваться? — тихо попросила, помня о напарнице.

— Зачем? — лениво уточнил бандит, прежде чем, порывшись в кармане, выудить его.

— Маргарет позвоню, она, наверное, переживает. Вернулась, а меня нет.

Бровь бандита скептически дёрнулась вверх, а с губ сорвался тяжёлый вздох.

— Ты невыносима, — протянул он мне телефон и вновь разлёгся на диване, поправляя примочку.

Я со вздохом принялась писать сообщение, так как звонить было уже поздно.

— Для начала спроси у этой сучки, где она, сразу не говори, что ты дома, — назидательно посоветовал мне Ральф, ещё и пальцем поводил, указывая на свой телефон. И почему я подчинилась? Ответ от Маргарет мне не понравился, она и вправду была дома и извинялась, так как её муж из дома не выпускал. Она обещала утром принести деньги, посоветовала мне хозяину оставить расписку.

— А откуда ты знал? — подняла я глаза на Ральфа, протягивая ему телефон.

— А бар мой, хозяин вызвал, сказал, что оплатить счёт не могут, осталась одна наивная. Как увидел кто, сразу рванул. Так часто происходит, бросают самую глупую и доверчивую, которую потом раскручивают на деньги. Так что на будущее — если собралась в незнакомой компании отдыхать, сваливай первая, пусть остальные расплачиваются.

Я расстроилась. Как-то это всё неправильно, не по-человечески. Я никогда не попадала

в подобные ситуации. Наш город тихий и провинциальный, там такого нет.

— Обычно мы с друзьями всегда вместе уходим.

— Хорошие у тебя друзья, только где они? — насмешливо спросил бандит, сверкая серым глазом.

— После университета разлетелись, никого не осталось рядом. Мне вообще сюда пришлось переехать.

Поделиться своим прошлым вышло как-то само собой разумеющимся. То ли прониклась я уже к этому мужчине. Когда не просит секса, то он вполне нормальный становится и даже уже не первый раз меня спас.

Чай остыл, воспоминание о крепкой весёлой компании навевали тоску, от дивана послышался храп. Я подняла голову и расстроилась ещё больше. Уснул. Убрал чашки, выключила телевизор. Принесла подушку и одеяло, осторожно подложила под голову Ральфа и укутала его. Стараясь не разбудить, убрала примочку, всё равно уже высохла, выключила свет и ушла в спальню.

Завтра будет новый день, и завтра с утра я расплачусь с Ральфом.

Сны у меня бывают разные, но такого эротического ни разу не видела. Я словно парила в облаках, дрожала всем телом от сладкой муки. Меня всю сводило от пронизывающего наслаждения. Я задыхалась, и сердце готово было остановиться. Я даже вскрикнула, когда по телу растеклась нега после короткого яркого взрыва наслаждения, и пришло опустошающее облегчение.

— Сейчас, цыпочка, сейчас, — тихий шёпот тревожно что-то напоминал.

Я приоткрыла глаза, наблюдая, как Ральф склонился над моим животом и чем-то был занят. Между ног у меня было мокро, и всё тело пело, радостно сигнализируя, что я только что испытала маленький оргазм и вовсе не во сне, как наивно полагала, а очень даже реально, от кунilingуса, который мне сделал бандит. Испуганно дёрнувшись, села на подушку, пошарила рукой, нащупала одеяло. Прикрыться им не удалось, так как Ральф, отбросил его на пол.

Я заскулила, понимая, что мужчина уже надел презерватив и собирался меня изнасиловать. Я поправляла сорочку, прикрывая ноги, но она была короткой и ничего не выходило. Ральф подполз на кровати ближе, рассматривая меня в темноте.

— Цыпа, ты чего опять вся сжалась? Стонала как надо и кончила.

— Не надо, пожалуйста, — прошептала, отползая от него в сторону, боясь закрыть глаза.

Тёмный силуэт с блестящими глазами — вот и всё, что сейчас видела я. Было дико страшно, и всё внутри холодело от ужаса.

— Да не обижу я, — начинал злиться Ральф, погладил по коленке. Я отшатнулась и попыталась спастись бегством, но мужчина, схватив за лодыжку, дёрнул меня к себе, переворачивая на живот, вдавливая в матрац.

— Нет, нет, не надо, прошу, не надо! — заверещала я и забилась под ним.

Большая ладонь накрыла мой рот, заставляя замолчать.

— Цыпа, чё тебе надо? Ты же стонала. На хрен вообще связался с тобой. Ну дай всуну, чего тебе жалко, что ли?

Я зажмурилась, чувствуя, что подол сорочки задрался, и между ягодиц в меня упиралась большая, обтянутая слизким и неприятным латексом мужская плоть. И что в любой момент

мужчина может раздвинуть мне ноги и взять меня.

Я всхлипнула, укусила Ральфа за пальцы. Я не собиралась сдаваться, не хотела.

Мужчина зашипел, прижимаясь губами к шее, тихо рассмеялся, с силой вдавливая меня в матрац.

— Женщина, ты... Всю душу вымотала уже.

Я дёрнулась, когда его рука оказалась между нами, а дальше он потребовал не шевелиться, снял презерватив и стал гладить себя рукой, покрывая поцелуями мне шею и плечи. Я вздрагивала каждый раз, когда он это делал, когда глухо стонал, ускоряя движения рукой, когда бодался плотью, оставляя мокрые следы на моей коже. Но страшнее всего стало, когда он зарычал, судорожно задёргался, окропляя горячей влагой мои бёдра. Затихнув, Ральф убрал волосы от моего лица, прижался губами к виску.

— Жаль, что проснулась так рано, я бы тебе вдул. Поверь, ты бы пищала от ох*** ощущений и билась в экстазе.

— Нет, — твёрдо выдохнула, пытаюсь выбраться из-под извращенца, от слов которого мурашки бегали по всему телу.

С шумом выдохнув, мужчина слез с меня и ушёл в ванную комнату, где чем-то брякнул так, что я в очередной раз вздрогнула и, пошевелившись, дотянулась до ночника. Я была вся в сперме. Мерзость какая! Как теперь спать в этой кровати?! Ну за что мне это всё?

Жалко себя стало неимоверно, всхлипнула, робко пробралась на кухню, брезгливо держа использованный латекс двумя руками, слушая доносившиеся из дыры в двери стоны мужчины, который ругался незнакомыми словами, упоминая цыпу через раз. Я, избавившись от презерватива, намочила кухонное полотенце, стёрла с себя чужие следы похоти. Затем сменила простынь, а Ральф всё не выходил из ванной. Закрыла дверь спальни, подпёрла её стулом. Слабая перегородка, но хоть какая-то. Пододвинуть прикроватную тумбочку не хватило сил. Села на кровати, укуталась одеялом и стала прислушиваться к звукам в квартире. Ральф вышел через полчаса из ванной, вернулся в гостиную, правда, пару минут постоял под моей дверью. Я, обмирая от страха, зарылась в одеяло по самые глаза. Но мужчина так и не попытался открыть дверь, ушёл. В гостиной жалобно скрипнул диван под тяжестью мужского тела.

Мне было страшно спать. Вдруг я сомкну глаза, а он опять придёт ко мне. От своей навязчивой идеи он точно отказываться не собирался. А у меня даже телефона нет. Так и пролежала до самого утра, прислушиваясь к каждому шороху, лишь когда забрезжил рассвет, сон меня сморил.

Когда проснулась, его уже не было. Дикая мысль, что надо съезжать с этой квартиры, таранила мою голову всё утро. Я быстро собирала вещи и тряслась как заяц. Лишь оказавшись в электричке, успокоилась, и начала здраво мыслить. Сколько он ещё выдержит? Вчера сдержался, но ведь настанет тот миг, когда точно возьмёт силой. Уткнувшись лбом в стекло, несколько раз побилась головой. Нужно было что-то придумать. Но возвращаться в квартиру опасно. Опять же дверь сломана, ещё и от арендодателя влетит.

Дома у родителей я больше молчала, хотя окунуться в спокойствие родительского очага было приятно. Все неприятности забылись. Мы с мамой готовили праздничный ужин, вспоминали моё детство. Отец расспрашивал о моей работе. Маму интересовала личная жизнь и коллеги-мужчины. Я увиливала, как могла, чтобы не расстраивать их и себя, естественно, рассказала, что работа оказалась тяжелее, чем нам представлялось, и что

деньги закончились. Про телефон промолчала, не стала тревожить их этим. Куплю сама. Именно за ним я собралась в магазин, заодно и прикупить продукты. Накинув плащ, так как опять обещали дождь, я спустилась с крыльца и подошла к калитке, а открыв её, обомлела. Больше книг на сайте knigochei.net. На другой стороне дороги, сидя на чёрном монстре, который ещё называли простым словом байк, вальяжно сидел Ральф, вертя в руке свой телефон и хмуро поглядывая на меня. Кожаная чёрно-белая куртка, чёрные брюки и высокие ботинки, весь вид его был агрессивный, как и выражение лица. Во рту он жевал зубочистку. Довершал образ чёрный шлем, висящий на ручке мотоцикла.

Первый порыв — сбежать, я задавила на корню. Куда бежать? Это мой родной город, а за спиной отчий дом. Стояла, смотрела на Ральфа, прижимаясь спиной к калитке. Он понял, что бежать я не собиралась, и стал медленно приближаться, сплюнув зубочистку. По коже пронеслись испуганные волны не только страха, но и возбуждения. Ночное удовольствие всплыло в голове. Если бы он не был таким отталкивающе пугающим, то я бы даже смогла принять его. Но стоило только взглянуть в холодные серые глаза, как комок к горлу подступал, и хотелось икать.

Ральф навис надо мной, упираясь локтем о забор, ласково провёл костяшкой пальца по щеке.

— Я думал, ты сбежать решила, так и не оплатив.

Я отклонилась от его руки, прочистила горло и указала рукой вверх по улице, в сторону супермаркета.

— Я в магазин, там банкомат есть, пошли.

Ральф поднял голову, проследил, куда я указываю, затем кивнул и оттолкнулся от забора.

— Значит, здесь и выросла? — оглядывая мою родную улицу с невысокими индивидуальными домиками, похожими друг на друга.

Я кивнула, не в силах даже слово сказать.

— Красиво, — заметил Ральф, оборачиваясь ко мне. Затем обнял за плечи и шепнул: — Ты когда домой? Сегодня или завтра?

— Завтра, — отозвалась, удивляясь очередной раз мягкости его голоса. Не рычит, словно не было ничего этой ночью между нами.

— Отлично, — чему-то обрадовался Ральф, и мы пошли быстрее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В самом супермаркете я сняла все деньги с карты и протянула их мужчине. Но он взял лишь ту сумму, которой не хватало, чтобы оплатить счёт в баре. Ни центом больше. Мы ещё несколько секунд поперетягивали деньги, после чего Ральф гневно сдвинул брови и затолкал купюры мне в карман плаща.

— Цыпа, ты безмозгая! — выругался он, прижимая меня к банкомату. — На что жить собралась? Когда зарплата?

— Через две недели, — пискнула в ответ, оглядываясь на охранников, которые медленно и нерешительно приближались к нам.

— Вот и живи, купи себе еды нормальной! А то холодильник пустой! Ты женщина или нет?

— Я просто на диете! — возмутилась в ответ, оскорбившись. — Поэтому и ем пока йогурты!

— Какая диета! На себя посмотри, ветром скоро сдувать будет! — нетерпящим

возражений тоном ругался Ральф, а я покраснела, так как некоторые посетители, соглашаясь с бандитом, кивали мне головой.

— Не будет! И вообще, это моё дело — сидеть на диете или нет. Вам ведь, мужчинам, только стройняшек подавай! На пышек и не смотрите!

Вокруг нас стали собираться знакомые лица. Соседи, заинтересованные перепалкой, с любопытством поглядывали на Ральфа.

— Цыпа, да я тебя любую трах...

Я испуганно закрыла ему рот ладонью, извинилась перед пожилыми и добропорядочными гражданами, которые не привыкли, чтобы при них выражались нецензурно.

Ральф отобрал мою ладонь, оглянулся, недобро зыркнув на охранников, которые сделали вид, что вообще-то мимо шли. После улыбнулся мне, легко стукнул по носу.

— Ешь нормально, у тебя очень хорошая фигура. Сиськи на месте, задок упругий.

Я застонала, а Ральф, тихо посмеиваясь, прижал мою голову к себе, пряча от осуждающих взглядов более старшего поколения. Задок, ну что за слова-то выбирает. Стыдно, сил нет.

Наш разговор со стороны не казался вымогательством, поэтому никто к нам так и не подошёл, даже соседи и те лишь понимающе заулыбались и разошлись. Мы вместе с Ральфом выбрали продукты на ужин, а также простенький подержанный телефон для меня.

Проводив до дома, он приказал его ждать вечером.

— Зачем? Я же расплатилась, — слишком быстро я расслабилась. Подумала, что всё, история, наконец, закончилась, и можно смело смотреть в будущее.

— Это... я тебя... — замялся Ральф, нервно глядя ирокез, хмурился и смотрел на меня зло. То есть мысль о сексе он не отмёл? Ради этого даже выследил?

Я расстроено стояла возле калитки, прижимая к груди пакеты с продуктами.

— Да, дьявол, чтобы была дома. На свидание пойдём!

— На свидание? — переспросила, так как подумала, что ослышалась. Как он это свидание себе представляет? В таком виде его ни в один ресторан не пустят. Если только в бар, а это не те заведения, по которым я хожу, хотя пару раз, конечно, была, но с друзьями.

— Да не смотри ты на меня коровьими глазами. Иди уже.

Я чуть не упала, когда Ральф меня затолкал во двор, ещё и калитку закрыл.

— Вылупится, аж язык отнимается, — последнее, что я услышала от этого кретина, который переходил дорогу, всё также ругая меня и теребя волосы.

— Идиот, — буркнула и направилась к дому, а на крыльце меня уже поджидали родители, встревоженные и недовольные. Я опустила глаза в пол и подошла к ним.

— Это кто? — строго спросил отец.

— Сама не знаю, — честно отозвалась. — Ральфом зовут.

— И что ему от тебя надо?

— Пап, не заводись.

Я поднялась по ступенькам и оказалась нос к носу с ним, предала пакет и, пройдя мимо мамы, вошла в дом.

— Ада, ты же не хочешь сказать, что этот молодой джентльмен твой бойфренд? — чуть визгливо поинтересовалась у меня мама, когда я уже практически скрылась от них в своей комнате. Мне нужно было подумать.

— Он тебе категорически не подходит! — возмутилась мама, приближаясь ко мне.

Отец сгрузил пакеты и встал рядом.

— Дочь, если он к тебе пристаёт, то надо заявить на него в полицию!

Я обернулась к родителям. Мама, невысокая шатенка с голубыми глазами, всегда следящая за собой. Она красила волосы в пшеничный цвет, чтобы не видно было седины, каждый день накладывала макияж и хорошо одевалась, даже если никуда не выходила из дома. Её стройная фигура и стиль одежды были примером для подражания соседям и предметом зависти многочисленных подруг. Отец, бывший пожарный, чуть пополнил после ухода на пенсию. В его чёрных волосах тоже пробивалось серебро, а добрые шоколадные глаза никогда не смотрели на меня так, как сейчас, укоризненно и недовольно.

— Папа, не надо полиции. Я сама с ним разберусь. Он нормальный, в какой-то мере.

— Как же ты с ним разберёшься? — всплеснула руками мама, поглядывая на меня, как на слабоумную. — Он же бандит, по нему же сразу видно.

Тяжко вздохнула, я-то прекрасно это понимала, но как объяснить родителям, что я боюсь за них. Ведь такие типы могут и мстить за отказ. И всё чаще появлялась мысль, что, наверное, проще уже сдаться и дать ему, что он хочет, быстрее отстанет. Да и родители успокоятся. Только бы одним разом обошлось.

— Я справлюсь. Не переживайте.

В девять вечера Ральф уже звонил мне, требуя надеть джинсы или брюки, а также куртку потеплее. Я осмотрела свой наряд и забеспокоилась, что он подсматривает. Откуда он мог знать, что я в платье? Бросив взгляд на окно, поняла, что он уже приехал и видит меня. Ужин прошёл в этот раз напряжённо, не так, как прежние. Родители были весьма мной недовольны, и пару раз поднимали разговор о полиции, если меня домогается этот тип. Я решила поскорее выйти на улицу и решить свои проблемы. Страшно согласиться на секс с незнакомцем, ещё и таким, как Ральф, но я устала. Мне всё надоело. Моя жизнь рушилась из-за него. Нужно было уже что-то предпринять. Пусть подавится своим сексом. Только бы уже поскорее исчез из моей жизни. Именно с этими мыслями я шла к нему через дорогу. Он опять приехал на своём монстре.

— Хай, цыпа, — радостный Ральф напугал меня ещё больше, чем хмурый. Весь мой боевой настрой разлетелся.

— Привет, — тихо шепнула, словно мы сегодня ещё не виделись.

Парень протянул мне шлем со словами:

— Я тут место нашёл идеальное для свиданок. Как в этих фильмах для девочек.

Видя, что я не шевелюсь, в ужасе понимая, что мне придётся сесть на стального коня, Ральф сам надел мне шлем на голову, ещё и застегнул.

— Я не сяду, — пролепетала и опасно отошла, когда Ральф оседлал байк и завёл. Его хищный, утробный рёв напугал ещё больше. Я как-то по юности восхищалась мотоциклами, пока не увидела, как одного байкера у меня на глазах сбила машина. Он прокатился несколько метров по дороге, и его переехала другая машина, не успевшая затормозить. Это было жутко. После того случая у меня появился страх перед стальными монстрами.

Лица Ральфа я не увидела, когда он ко мне обернулся, зато слышала отборную брань. Парень меня схватил за руку, подтянул к себе и легко приподнял на руках, глухо приказывая:

— Ноги раздвинь!

Я вцепилась в удерживающие меня руки, закинула ногу на мотоцикл, понимая, что Ральф слушать меня не будет и уговаривать его не стоит.

— Всегда бы так раздвигала, а то всё ломается, — угрюмое замечание испортило мне настроение. За кого он меня принимает? Я ему кто?

— Нагнись, — очередной приказ, и парень сам придавил меня к мотоциклу, потянувшись к рулю. — Расслабься, иначе из-за твоей головы я дороги не увижу и врежемся.

Я припала к горячей чёрной стали, рассматривая круглые окошки спидометра и ещё чего-то.

— Давай, цыпа, ещё ножки подожми и поставь вот сюда, — Ральф указал мне на небольшие стальные выступы.

Когда я на них наступила, то поняла, что сидеть на байке ужасно неудобно. И чего все восхищаются ими? Стоило только машине тронуться, как я готова была завизжать, сначала, конечно же, испугалась, а затем с восторгом смотрела вперёд, на змею, в которую от большой скорости превратилась трасса, ловила потоки воздуха и блаженствовала. Ральф придавливал меня очень сильно на поворотах к байку. Его тело я остро чувствовала спиной и бёдрами. Поездка мне понравилась, я была в диком восторге, и когда Ральф остановился на берегу реки, первое время не могла наговориться, меня переполняли эмоции.

— Обрати поедешь сзади?

Он меня спрашивал. И в этом было что-то приятное. Кивнула в ответ, сжимая руки возле груди. Пальцы замёрзли от холодного ветра, я пыталась их согреть. Ральф снял свои перчатки и приказал надеть.

Его рука была огромна, я со смехом потрясла перчатку, которая болталась на моей ладони, а парень достал из багажника плед и бутылку вина.

Я вспомнила, зачем мы тут, и что я собралась сделать, как низко опуститься.

— Садись, — указал пальцем байкер на клетчатый плед.

Возле реки было темно, но света от фары мотоцикла хватало Ральфу, чтобы организовать место для свидания, открыть бутылку и налить вино в один единственный бокал, который он протянул мне.

— Садись, чё встала? — недовольно повторил хам, словно не понимал, чего я нервничаю в его присутствии каждый раз. Пришлось сесть, чтобы не рычал, и бокал взяла, даже попробовала вино. Оно оказалось красным, сухим и кислым. Скрывая разочарование, посмотрела на звёздное небо, изумительным пологом раскинувшееся над головой. Высокие деревья словно задевали его своими верхушками. Ральф разлёгся на пледе за моей спиной, прижал к себе рукой, одну ногу согнул, а голову подпёр кулаком.

— Нравится?

Я кивнула, с ужасом ожидая, когда последует его извечный вопрос. Я решила просто кивать. Голос подведёт от страха, а так уж наверняка отвечу, да и проще.

— Так и знал, что тебе понравится. Вино понравилось?

Я кивнула, сжимаясь в страхе. Даже для смелости сделала один большой глоток.

— Я не люблю вино. Кислятина. Как вы его пьёте? Но чего не сделаешь для своей тё... — я чуть не захлебнулась кислым вином, когда услышала его заявление. — Кхе... девушки, — быстро поправился Ральф, отворачиваясь к реке.

— Я не твоя девушка, — напомнила я ему, чтобы не мечтал об этом.

— Да ладно тебе, начала опять... Твоя, не твоя. Я понял, что ты из таких, которым подавай отношения. Так просто не дают. Так что расслабься и наслаждайся свиданием.

Я грустно вздохнула, злясь на Ральфа.

— Если я с тобой пересплю, ты от меня отстанешь?

Я не смотрела на него, разглядывала блики на поверхности вина в бокале. Страшно было встретиться с ним взглядом.

— Если мы сейчас сделаем это, ты, наконец, перестанешь ко мне цепляться и преследовать? — ещё тише уточнила, когда так и не дождалась ответа.

— А ты готова мне дать?

Я кивнула, сдерживая слёзы. Чувствовала себя паршиво только от того, что да, готова была. Он добился, чего хотел, да, я готова была на всё, только бы спокойно вздохнуть и жить как раньше, без страха, что он появится на горизонте и потребует от меня опять секса.

Ральф приподнялся, рукой зарылся в мои волосы, развернул к себе и, чуть помедлив, поцеловал. Я зажмурилась, ожидая чего угодно, но только не нежности и осторожности. Бережное касание, ласково и чувственно. У него оказались очень тёплые губы, гладкие и мягкие. Я открыла глаза и удивлённо воззрилась на Ральфа, который продолжал целовать, садясь прямо, притянул меня к себе, усаживая на колени. Он упоительно целовался. Я даже поразилась. Меня так целовали лишь раз. Однокурсник признался мне в любви на одной из вечеринок, и мы с ним поцеловались под крики наших друзей. Я не смогла тогда отказать, чтобы не обидеть, но именно так он целовал меня. Жаль, сказки в тот раз не получилось, уже наутро мы узнали, что он не сдал экзамен, и его отчислили, поэтому он тогда набрался смелости и признался мне, чтобы потом раствориться в буднях и городской суете навсегда. До сих пор храню фотографию Даниэля, моего солнечного мальчика. Моя первая любовь, блондин с шоколадными глазами, как у моего отца. Он стал для меня идеалом мужчины на несколько лет, и вот я встретила того, кто так же осторожно и бережно меня целует. Жаль, что это ни Даниэль.

Опрокинув меня на плед, Ральф чуть помедлил и всё же расстегнул на мне куртку. Холодный воздух тут же украл тепло, и я чуть поёжилась, с замиранием сердца ожидая следующих действий бандита.

Парень заметил это и глухо застонал, вскочил на ноги, нервно прошёлся по берегу, злясь. Я села, не понимая, что опять не так. Вроде уже согласилась, чего медлит?

Встала, осознавая, что свидание испорчено. Ральф вернулся, напористо прижал меня к себе, впился в губы собственническим и пугающе агрессивным поцелуем. Его ладонь удерживала меня за затылок, не давая вырваться или уклониться.

— Знаешь, Ада, я не хочу исчезать из твоей жизни. Да я лучше онанистом стану, но хочу видеть тебя каждый день. А трахнуть я тебя всегда успею.

Хохотнув, он крепко обнял меня, прижимаясь губами к шее, согревая её своим дыханием. Я стояла и глупо хлопала ресницами. Я совершенно растерялась, не зная, ни что сказать ему в ответ, ни что сделать. Только руки сжала в кулаки и пыталась не реветь. Почему, когда я саму себя перестала уважать за свою слабость, за то, что сдалась и согласилась с ним переспать, он отказывается? И что теперь мне делать? Чего ещё ожидать?

Страх перед ним пропал из-за злости. Она управляла мной, когда я оттолкнула от себя Ральфа и когда кричала на него, требуя прекратить издеваться надо мной. Правда, я не догадывалась, к чему приведёт моя вспышка гнева, и уж остаться одной в лесу не планировала. Но мужчина оказался психом, сел на свой байк, развернул его так, что трава полетела из-под колёс и умчался, а я осталась одна. Первые несколько секунд даже не поверила, что он меня бросил, потом села на плед и стала ждать, сама не зная чего или кого. В то, что он вернётся, слабо, но верилось, ведь человек он, а не сволочь, пусть даже и назвала его так пару раз в лицо. Опять же, если не вернётся Ральф, то далеко от города мы не

уехали, надо дожидаться рассвета, или же папа организует поиски. Родители уж точно будут меня искать. Нашупала опрокинутый в траву бокал, взяла бутылку и налила себе вина.

Когда вернулся Ральф, я уже была пьяная, зарёванная, в обществе почти пустой бутылки. Я даже не обернулась, обиженно насупилась и гордо смотрела на чёрную воду реки.

Тяжёлые шаги не отвлекали меня от методичного употребления кислого вина. Парень сел на колени за моей спиной, укутал в свою куртку, уткнулся носом в макушку и осторожно обнял, притягивая к себе.

Я допила вино и поставила пустой бокал на плед.

— Я не знаю, как с тобой... общаться, — хрипло шепнул Ральф, его нос уже зарывался в волосы в районе левого уха. Мурашки от согревающего дыхания промчались по позвоночнику.

— Я тоже, — тихо отозвалась. — Я тебя боюсь. И знаешь, вино кислое, потому что сухое, а я люблю полусладкое.

Ральф усмехнулся, крепче сжал и пообещал, что в следующий раз будет сладкое для его сладкой девочки. Я дёрнула плечом, недовольно бросила ему:

— Я не твоя девочка и не цыпочка, и не тёлочка, и уж тем более не сучечка. У меня имя есть. Я Ада!

Ральф нежно поцеловал за ушком, и у меня дыхание сбилось, а мысли разлетелись. Но всё же я упорно хотела договорить:

— Прошу, перестань меня целовать. Я пытаюсь тебе объяснить, что мы слишком разные, у нас с тобой нет ничего общего, поэтому между нами ничего не может быть. А от твоих поцелуев я думать не могу.

Его руки сжали меня крепче.

— Я хочу тебя, постоянно думаю о тебе.

— Так давай. Я же сказала, что согласна. Ты поймёшь, что я такая же, как и все твои тёлочки и цыпочки, и, наконец, отстанешь от меня.

— Ты не такая... Ты снишься мне...

Я обернулась к нему, хотела рассмеяться, да только смех застрял в горле от сладкого и нежного поцелуя. В этот раз я даже приоткрыла рот, чтобы, прикрыв глаза, погрузиться в замечательные, приятные ощущения. Может, сказалось то, что я пьяная, но я развернулась к нему лицом, обняла за шею, стала отвечать на поцелуи. Ральф сдержанно обнимал, затем сел, и я оказалась на его коленях полулежащей на его плече. Я целовалась с самым непредсказуемым и страшным парнем в моей жизни под звёздным небом, на берегу реки, пьяная и глупая.

Обратно ехать опять пришлось спереди, так как сзади я чуть два раза не слетела. Ральф довёл меня до моего дома и передал из рук в руки сердитым родителям. Он извинился за моё состояние, обещал больше не поить меня вином и представился моим парнем, даже фамилию назвал — Тартано. После того как отец велел ему выметаться, я, конечно же, попыталась успокоить папу, заверив, что Ральф не мой парень, а просто знакомый, который спас меня из неприятностей.

Ральф что-то тихо ответил отцу, когда тот попросил его отойти в сторонку, а мама меня проводила в мою комнату, надоедливо жужжа про то, какая я дура. Как будто я сама не знала об этом. Вот только если бы не Ральф, то я даже боюсь представить, что со мной было бы.

— Мама, ты не представляешь, что это за город! Ноствелл — это не наш тихий уютный Монскрит. И работа государственного служащего — это не райская работа, а адская...

Столько детей живут в таких ужасных условиях, без родительской любви.

Я обняла маму, всхлипнув:

— Как хорошо, что вы у меня есть, что любите меня. Я вас так люблю с папой. Вы у меня такие хорошие. А там дети без родителей, никому не нужные.

— Ложись спать, — мягко приказала мама, усаживая меня на кровать. — Жизнь вообще коварная и подчас отвратительная. Без сильного мужского плеча женщине порой не прожить, так что поскорее найди себе мужа, который будет любить и оберегать тебя от подобных типов, как этот Тартано. Ну а дети. Ты должна помочь им, в этом и заключается твоя работа. И ты права, без родителей малышам сложно прожить достойную жизнь.

После возвращения в Ноствелл моя жизнь преобразилась. Ральф от идеи видеть меня каждый день не отказался, целую неделю встречал после работы, провожал домой, пару раз даже сводил в кино. Я соглашалась на всё, мечтая, чтобы он скорее наигрался и понял, что еивив мы из разных миров, и что ему нет места рядом со мной. Я таскала его по приличным заведениям, где ему приходилось вести себя культурно. Он сдерживался, даже практически не ругался. Мы часто целовались, и я даже ждала этих поцелуев, поглядывая на его губы, когда он что-то рассказывал, улыбался или просто молчал.

Странно, что он не распускал руки, совершенно вёл себя по-другому. Иногда оставался на ночь, но и в кровать ко мне не лез, спал на диване. По утрам я часто рассматривала его спящим, не решаясь позвать на завтрак. Он был таким беззащитным. Во сне морщинки разглаживались, и он переставал быть угрюмым и сердитым. И я поняла, что он молод, ему, может, как и мне, двадцать два, но не больше двадцати четырёх точно.

Но стоило ему открыть глаза, как вся безмятежность с него слетала, и он превращался в зверя, который постоянно порывивал, указывая, как мне жить, что есть и во что одеваться. А ещё постоянно обзывался. Эта его цыпа уже оскомину набила. Ведь знает моё имя, но упорно зовет по-своему.

А через неделю он исчез. Я даже удивилась, не встретив его возле моей работы. Даже позвонила, но он не взял трубку. Радость от того, что всё закончилось, не вспыхнула в груди, скорее, холод растёкся по венам.

Остро почувствовала одиночество, когда сидела на диване и смотрела сериал, который так любил Ральф. Пила чай, поглядывая на сотовый. Он так и не позвонил и ни на одно сообщение не ответил. Неужели всё? Когда же телефон ожил, радостно схватила его и скуксилась — звонила мама с ежедневной проверкой. Не стоило мне быть столь откровенной. Теперь она меня терроризирует каждый вечер, проверяя, дома я или нет, жива ли её доченька, поела ли и где Ральф. В этот раз мама была обрадована вестью, что Тартано не пришёл. Она сказала, что так и знала, что всё хорошо разрешится. Выключив телефон, положила его на журнальный столик, прилегла на подушку, вдыхая еле уловимый мужской аромат. Так и уснула на диване под шум работающего телевизора.

Следующая неделя была напряжённая. Нагрянула проверка, все убрали хвосты, подправляли отчёты. Мы с Маргарет, которая, как ни уверял меня в обратном Ральф, всё же вернула мне часть денег за вечеринку, занимались своими делами. Так как она старший специалист, я беспрекословно выполняла все её указания. К пятнице, после вынесения нам нестроного выговора, мы, уставшие и вымотанные, решили выпить пива, но уже одни, в гордом женском одиночестве. Муж Маргарет был на смене допоздна, и она не хотела идти домой.

Выбрали бар неподалёку от моего дома. Напарница мне рассказала, что мы ещё легко отделались, обычно после таких проверок лишаются должностей и начинаются кадровые перестановки. Она уже пережила пятую проверку, но каждый раз боялась их.

Пиво немного расслабило нас, и мы решили, что пора по домам. Посадив напарницу в такси, я решила прогуляться до дома пешком, благо и погода была тёплая и всего квартал идти.

Когда на моём пути появился Фред, преграждая дорогу, я в первое мгновение обрадовалась ему как родному, правда, кривая ухмылка и похабный взгляд отрезвили.

— Ну привет, сучечка. Я тебя уже заждался.

— Что? — опешила я от такого выпада и стала пятиться от него.

— Тебя хочет увидеть наш босс, — хрипло посмеиваясь, наступал на меня бритоголовый, держа руки в карманах брюк.

Я вскрикнула, когда спиной врезалась в кого-то большого и сильного. Обернувшись, от страха икнула, так как негр за моей спиной был выше как Фреда, так и Ральфа. Неизвестный легко поднял меня, закинул себе на плечо и отнёс к машине под мой отчаянный визг и требования поставить меня немедленно. В салон машины меня затолкали очень небрежно, я стукнулась головой о ручку дверцы.

— Билл, полегче, Ральф тебе за неё глаз на жопу натянет.

— Не нравится, сам бы и нес её, — раскатистым басом отозвался негр, вызывая во мне ещё большую панику, от чего икота усилилась.

— Я не могу к этой сучечке прикасаться, — паскудно хихикая, отозвался бритоголовый, садясь на водительское место. Я подёргала ручку, пытаюсь открыть дверцу, но она была заперта.

— Ку — ик! — куда вы меня — ик! — везёте? Это — ик! — Ральф приказал — ик! — да?

Негр фыркнул как настоящий бык, сел рядом со мной и с грохотом закрыл дверцу со своей стороны.

Фред тронул машину с места, разгоняя до бешеной скорости, поглядывая на меня, икающую и жмущуюся в углу сидения.

— Ральф, сучечка, даже не в курсе, какой ему сюрприз на день рождения готовится! Представляю его радость, когда он увидит тебя!

Смех мужчин взорвал жутким гоготом салон машины, а я тихо впадала в панику, икая. Чувствуя, что кому как, а уж мне сюрприз точно не понравится. Совсем-совсем, слишком уж глумливо поглядывали на меня бандиты.

Билл нёс меня на плече до самого кабинета босса, так как я не желала никуда идти и ни с кем разговаривать, даже попыталась сбежать, но Фред среагировал быстро, приказав закрыть ворота в особняк, где, собственно, и проживал его босс. Я требовала меня отпустить, лупила по широченной и дурнопахнущей спине своего похитителя. Я заметила, что спортивные костюмы и вообще спортивный стиль очень ценился у типов подобного сорта как Ральф, Фред и этот Билл. Вот только обстановка внутри особняка была богатая и респектабельная. Я словно оказалась в лучшей гостинице Ноствелла, «Плазе», фотографии которой часто рассматривала в модных журналах, мечтая там побывать. Жаль, что это была не гостиница моей мечты, а логово отъявленных преступников.

— Я заявлю на вас в полицию!

— Сучечка, да вся полиция под нами ходит, — рассмеялся Фред, шедший позади Билла, и как раз его грязные, некогда белые кроссовки я могла лицезреть на чистейшем красном ковре, устилающем пол коридора и лестниц.

— Найдётся хоть один совестливый, — не унималась я, выговаривая Фреду, — настоящий полицейский...

— Который сдохнет в сточной канаве, стоит ему только рыпнуться, — перебил бритоголовый, надсмехаясь над моими потугами хоть чем-то его напугать.

Я замолчала, не зная, что ещё придумать. Неужели всё настолько плохо в нашем городе? Я даже не предполагала истинного положения дел.

Билл небрежно скинул меня со своего плеча, и я, не удержавшись, упала на пол, оглядывая кабинет. Босса, стоящего возле стола, я заприметила сразу и сильно удивилась родственному сходству. Ну просто вылитый Ральф, только старый, потолстевший, с усталыми и безжизненными глазами, одетый в солидный деловой костюм. Бросалась в глаза белизна мужской сорочки и правильно подобранный широкий галстук. Руки босс держал скрещенными на груди и смотрел на меня холодной сталью серых глаз.

— И чё, вот эта?

— Да, босс, — голос Фреда изменился до неузнаваемости, он больше не глумился, а вежливо отвечал на вопрос.

Главарь бандитов усмехнулся, коротко качнул головой.

— Ну ничё такая. Ладно, переодевайте, и чтобы всё прошло как надо.

— Эй, — вскрикнула я, когда Билл опять попытался меня схватить, — вы понимаете, что вам грозит за похищение? Я вас упеку в тюрьму. Имейте в виду, я так всё это не оставлю! — тыкая в босса указательным пальцем, я пригрозила ему, чем вызвала заинтересованный блеск, который погас быстрее, чем я сообразила что увидела.

Билл опять схватил меня, как мешок, закинул на плечо и вынес из кабинета.

— Вы не имеете права! Вы заплатите за это! — визгливо сообщила бандитам и замолчала, услышав до боли знакомое:

— А задок у неё упругий.

— Да, босс, упругий, — поддакнул Фред.

Я приподнялась на руках и бросила последний аргумент главарю:

— Я Ральфу на нас пожалуюсь!

Ответом мне были две кривые ухмылки, не предвещающие мне ничего хорошего.

Я тихо поскуливала от снедающего страха. Икать уже не могла. Стояла, привязанная к столбу в ужасно срамном одеянии ангелочка. Лямки крыльев резали кожу на плечах. Из-за туго завязанного корсета я с трудом дышала, хотя в коробке, куда меня упекли, и так воздуха не было. Пышная юбка еле скрывала ажурные шортики-трусики. Но хуже всего были ужасно неприличные чулки и высоченные каблукки! Я стояла с закрытыми глазами, не представляя, что задумали эти бандиты-извращенцы. Пока меня переодевали служанки, чего я только не наслушалась от Фреда, который контролировал весь процесс. Было стыдно и страшно. Я вырывалась, но женщины обладали недюжинной силищей и ловко раздели меня донага, а затем надели этот позорный наряд. Голову стягивал ободок с нимбом, волосы были завиты и прикрывали плечи, но не грудь, которая норовила выскочить из корсета.

Вдруг коробка, в которую меня запихали всё те же служанки, предварительно привязав к столбику, на который я опиралась, стала двигаться. Послышались многоголосый шум и

звуки музыки. Кто-то в микрофон объявил, что имениннику в честь дня рождения отец решил приготовить сюрприз. Коробка остановилась, я дёрнулась, замирая. Что за сюрприз, я уже поняла — это я. Крышка открылась, а платформа, на которой я находилась, стала подниматься вверх под слаженный радостный вой и аплодисменты! Я не была готова, что окажусь внутри огромного торта, и на меня будет смотреть полный зал народу во главе с Ральфом. Читай больше книг на Книгочей. нет. Я всхлипнула, опасливо оглядывая богато одетых гостей. В каждом лице я видела бандита и головореза. Они хоть и имели презентабельный вид, но их повадки, позы, взгляды и улыбочки — всё это выдавало чёрную душу демонов. И среди всех этих типов Ральф чувствовал себя как рыба в воде, легко и непринуждённо.

Мой спаситель был на удивление одет в нормальную одежду, как и отец, в деловой костюм. Я обрадовалась, что он жив и здоров, ведь измучалась мыслями, что с ним и куда пропал. А он просто решил забыть глупую меня и вернуться домой.

Главарь бандитов стоял рядом с сыном и хлопал его по спине, потому что у его сына глаза чуть из орбит не выползли.

— Какого х***, отец! — взревел Ральф и бросился ко мне, легко вскочив на стол, наплевав на возмущённых гостей, запрыгнул на платформу, где я стояла, и стал развязывать атласные ленты, которыми я была привязана к столбу.

— Сейчас, Ада, сейчас, — ласково шептал брюнет. — Потерпи немного.

Я с опаской поглядывала на самодовольного главаря, который криво улыбался, слушая краем уха Фреда, ради вечеринки в честь дня рождения Ральфа одетого прилично в рубашку и чёрные брюки.

— Сын, это ещё не всё...

— Мне хватило и этого! — огрызнулся Ральф в ответ, легко срывая с меня ободок и крылья, чтобы поднять на руки, спрыгнуть на пол и удалиться из зала.

— Прости, цыпа, я не знал. Честно не знал. Совсем ума лишился старик.

Нас догнал Фред и, криво улыбаясь, сообщил:

— Босс надеется, что теперь ты дашь своё согласие. Стань восьмым и твою сучку никто не тронет.

Это прозвучало так пакостно, а улыбочка у бритоголового подонка была до того противная, что я не удержалась и лягнула его, правда, метилась в лицо, а угодила в грудь, но стон боли был мне наградой за старание.

— Сучка, — прошипел Фред и угрожающе сверкнул глазами.

— Ещё раз назовёшь её сучкой, заставлю собачье дерьмо жрать, — предупредил его Ральф, не останавливаясь и шагая через холл на улицу в ночь.

Я показала язык взбешённому хаму. Обняв Ральфа за шею, тихо шепнула ему на ухо:

— С днём рождения.

Нас до моего дома доставил чёрный лимузин. Ральф отдал мне свой пиджак, который скрывал мой наряд. Мои вещи принёс всё тот же Фред, который был явно на посылках и у главаря банды, и у его сына. Войдя в дом, Ральф привычно сел на диван и, опустив руки на колени, ссутулился. Я же быстро переоделась в домашнее платье и вышла к нему в гостиную.

— Всё плохо? — тихо уточнила, отмечая, как напряжённо рассматривал парень свои руки, сплетённые в замок.

Серые глаза, наполненные болью и страданием, заставили замереть на месте.

— Да, нам придётся пожениться. Это для твоего же блага. Отец, сука, не оставил мне

выбора. Я всё хотел сделать по-другому. Попросить твоей руки, кольцо даже выбирал, а он...

Я замотала головой, в ужасе отодвигаясь от неизбежности, с которой он это преподносил. Какая ещё свадьба? О чём он?

Запереться в комнате, закутаться в одеяло и просидеть в ней до конца жизни — хороший план, если бы не одно «но». Ральф с лёгкостью выломал дверь, сел на кровать, притянул к себе так, что я оказалась в его крепких объятиях и не вырваться.

— Прости, но это единственный выход.

Я замотала головой. Страх перед таким будущим выедал душу. Ральф не тот мужчина, которого я представляла рядом с собой по жизни. Он же бандит, а ещё хам. Родители будут в ужасе, а я... Как быть мне?

— Ада, отец не успокоится, пока я не приму его предложение, а я не хочу быть главой клана. Понимаешь, не хочу!

Я прислушивалась к боли, которая звучала в голосе Ральфа, и, выползая из своей скорлупы, обернулась к нему. Он был таким печальным. Перед моим внутренним взором предстали безжизненные глаза его отца, и я прекрасно понимала Ральфа. Главой банды быть нелегко.

— Отец боится только бабушку...

Я удивилась. Как-то не вязалось это мягкое слово с серьёзностью ситуации, в которой я оказалась. И кто эта таинственная женщина, которую боялся глава мафии?

— А бабуля не станет даже слушать, если я приведу в её дом просто девушку. Она поможет, если я представлю тебя невестой, но и этого ей будет мало, она организует свадьбу так, что глазом не успеем моргнуть, как окажемся у алтаря.

— Ральф, ты как это себе представляешь? Кто ты, а кто я... Мы же из разных миров. Я же не люблю тебя, какая свадьба? — жалобно шепнула, не желая заботиться о его чувствах. Я видела, что он равнодушен ко мне. Только слепой не заметит, но как долго продержится его влюблённость? — А что будет со мной потом, когда твоя любовь закончится?

Ральф молчал, рассматривая меня. Желваки на его скулах двигались, выдавая злость, бушующую в его крови.

— На понт меня берёшь? — хрипло спросил он.

Я растерянно моргнула.

— Не поняла тебя, — тихо шепнула, чувствуя, как Ральф сжимает меня в своих объятиях всё сильнее.

— Короче, цыпа. Ты меня достала со своими придирками. Вставай, едем к бабушке.

Я замотала головой, не желая никуда ехать, ведь если мы окажемся у этой женщины, то всё, от свадьбы мне не отвертеться, а у меня родители в возрасте, у них сердца слабые.

Парень сгрёб меня вместе с одеялом и отнёс в лимузин, который так и оставался припаркованным возле дома.

— Ральф, я даже не одета для гостей. Как я появлюсь перед твоей бабушкой в домашнем платье?

Я пыталась выпутаться из одеяла и сесть ровно, но этот наглец словно специально удерживал меня поперёк своих колен, называя адрес водителю.

— Простите, босс, но я не могу вас доставить по этому адресу, — услышала я растерянный голос мужчины. Лица его не видела, но он явно был такой же перекачанный, как и все в банде Ральфа.

— Х***о, — расстроено произнёс тот в ответ и выбрался из машины. Я, наконец, могла сесть, оглядывая шикарный салон лимузина с неоновой подсветкой. Слева был небольшой столик, колонки на стенах. Я отвлеклась от разглядывания стеклянной витрины бара, так как Ральф нецензурно потребовал от водителя сначала выйти, а когда тот не сдвинулся с места, просто за шкурку выкинул его на тротуар, а сам сел за руль.

— Держись, цыпа, — приказал он, и машина рванула с места, а я упала на пол, не ожидая от неё такой прыти, хорошо хоть одеяло смягчило падение. Никогда бы не подумала, что такая махина сможет быстро ездить. Обычно вечно ползают и неповоротливые как черепахи.

Я села поближе к Ральфу. Отвлекать его от экстремальной гонки по ночному городу не хотела, но молча сидеть было скучно, хоть и смотрела в лобовое стекло.

— А как зовут твою бабушку?

— Я зову бабуля, ты тоже зови, ей так больше нравится, для отца она старая карга или мегера, это от настроения зависит, для остальных тетушка Арабелла, для неугодных миссис Ливингстон.

Как необычно, хотя интересно.

— А почему твой отец её боится? — задала очередной вопрос, во мне разыграло любопытство.

— Ну так, мать нас бросила, а бабушка нет. Отец терпеть её не может, но и ничего поделать тоже. Вот и терпит. Если бы не бабушка, то меня воспитывали бы силиконовые куклы отца, как утверждает бабуля, — весело смеясь, рассказывал Ральф, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, проезжая светофоры на красный свет.

— А почему ты так гонишь? — возмутилась, когда Ральф чуть не сшиб пешехода.

— Так отец догадается, куда я еду, и попытается перехватить.

Я испугалась, правда, никак не могла понять чего: то ли того, что нас нагонит отец Ральфа, то ли бабушку. Ещё неизвестно, кто из них хуже и страшнее.

— Но ничего, цыпа, доберёмся первыми! — пообещал этот гонщик, а я усомнилась в его словах, так как послышался вой сирен полицейских машин.

Я сидела, поджав ноги, оглядываясь в окна на то, как нас нагоняют не только полицейские автомобили, но и чёрные джипы. Я всё ждала, что начнут стрелять, как в кино, но нас просто пытались зажать под грубую брань Ральфа. Он выкручивал руль на поворотах так, что я каталась по сидению, едва не падая на пол, но кульминацией погони стал громкий сигнал клаксона лимузина. Сама машина подскочила на каком-то ухабе, и я всё же упала на пол.

Когда дверца лимузина открылась, а Ральф мне помог выбраться из салона, то меньше всего я ожидала оказаться во дворе женского монастыря Святой Софии. Рядом с Ральфом стояла невысокая стройная дама лет шестидесяти в наряде монашки и с лицом строгой учительницы.

— Бабуля, это моя невеста Ада Наполло.

— Невеста? — одна тёмная бровка приподнялась вверх. Я поёжилась, стоя на уголке одеяла, так как Ральф не удосужился даже обувь мою прихватить.

— Да, прятал её от отца, а он нашёл и теперь меня заставляет стать восьмым. Помоги нам, а?

Я, наверное, была похожа на рыбу, выброшенную на берег. Открывала и закрывала рот от изумления, так как никогда не видела Ральфа таким заискивающим, с любовью обнимающим ещё кого-то кроме меня.

А бабулечка звонко рассмеялась и погладила его по груди.

— Ну куда я денусь, конечно помогу влюблённым. Столько лет молилась за спасение твоей души, чтобы не досталась она сатане и вдруг отступлюсь? Да не бывать этому. А с рогатым тоже разберусь, не переживай. Лучше уведи её в келью, слышу, приехал по твою душу душегуб проклятый, хрен рогатый.

— Бабуля! — наигранно возмутился Ральф, отстраняя женщину от себя за плечи. А та махнула рукой и подмигнула мне, прежде чем пошла к воротам монастыря, закатывая на ходу рукава. У ворот стояло больше десяти монахинь, не дающие войти полицейским, вереща, что на территорию монастыря мужчин не пускают, а Ральф, оказывается, внук настоятельницы — ему можно, у него нет греховных помыслов. В чём я сильно сомневалась, да только кто меня спрашивал. Сам же безгрешный внук поднял меня на руки, всё также одеялом и хитро улыбаясь.

— Сейчас бабулечка задаст отцу жару. Она у меня строгая, чуть что — сразу библией по голове, чтобы заповеди в дурную голову вбить.

— А-а-а, — с пониманием протянула, представляя эту картину.

— А почему вас мама бросила? — осторожно спросила, поскольку в голове не укладывалось, как такая строгая мать, как бабушка Ральфа, могла вырастить бессовестную дочь.

— Нашла себе любовника, укатила в столицу. Её вообще ничто здесь не держало: ни отец, ни я, а на мать ей вообще было всегда плевать. Там всё сложно.

— А как твои родители познакомились? — не унималась я, так как жизнь у Ральфа оказалась очень насыщенная событиями, а родственники весьма колоритными.

— Как-как, — вдруг разозлился парень, входя в дверь небольшой комнаты, которую открыла нам очередная монашка, — заказал проститутку, мать приехала. Так и познакомились.

— Прости, — извинилась я перед ним, понимая, что разбередила старую рану.

— Ты-то тут при чём, ангелочек, — вновь заулыбался Ральф. — Тебе, кстати, идут крылья и корсет. Сразу захотелось... — я вспыхнула, представляя, в каком виде он меня увидел и что подумал. — Ну, ты поняла.

Он сел на узкую кровать, усаживая меня рядом.

— В общем, тут переночуем. Это, конечно, не твой диван, но спать можно. Только утром рано колокол разбудит, а так тут жить можно, если недолго.

Я оглядела аскетическую обстановку кельи: кровать, небольшой шкаф для вещей, стол, табурет и крест на стене, да окошки, узкие и с решётками.

Услужливые монашки принесли нам графин с водой и пару ломтиков хлеба. Я только выпила воды, а Ральф даже этого не стал делать, растянулся на кровати, закинув руки за голову, и следил за моими передвижениями. А мне было любопытно, я подобралась к окну, из которого как раз открывался вид на ворота, привстала на носочки, выглянула во двор. Придя в дикий восторг от увиденного, притащила табурет и забралась на него, чтобы наблюдать воистину божественную картину. Отец Ральфа возвышался над щупленькой бабушкой, сцепив руки и хмуро буравя её взглядом, а та ему что-то высказывала, сотрясая библией в толстом переплёте. За спиной босса стояли Фред и Билл, они прятали свои

взгляды, смущались и выглядели донельзя раскаявшимися, и трое полицейских, которые сняли фуражки и мяли их руками, внимая голосу монахини.

— Так бабуля на всех действует, — услышала я Ральфа, который подглядывал у соседнего окна. — Она у меня настоятельница и библию знает от корки до корки. Х** отвертись, будешь стоять и слушать, пока её не отпустит. А сейчас как раз на бабулю нашло это, свыше... — Ральф задумался, а я подсказала:

— Вдохновение?

— Ну примерно. Она это называет другим словом. И пока оно не закончится, будет дрючить мозг. Я так сразу со всем соглашаюсь, отец ещё пытается поругаться, а только... Всё равно по голове настучит. А ещё у неё есть крест... Короче, не ругайся с бабулей возле алтаря, больно так, что звёзды ловишь.

Я чуть с табурета не упала, нервно хихикнув. Ну и бабуля. Бесстрашная какая-то.

— А она твоего отца совсем-совсем не боится?

— Не-а, говорит, что рогатого бояться — в монастырь не ходить. А она уже настоятельница лет двадцать.

— Но ведь твой отец когда-нибудь не выдержит.

— Да что ты. Он за её оладушки душу ей продаст с потрохами. Она, знаешь, как готовит индейку на День благодарения, так отец первым в гости приезжает, чтобы она ему вся досталась, даже терпеливо ждёт, пока бабуля взахлёб очередную притчу расскажет.

— А-а-а-а, — многозначительно протянула.

Ну да, ну да, где-то я слышала, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а тут бабушка Ральфа отыскала через чрево путь к душе, кажется. Замечательная женщина. Вдруг настоятельница взмахнула библией и ударила отца Ральфа по плечу, указывая на ворота.

— Легко отделался, — усмехнулся парень. — Видимо, у бабушки хорошее настроение.

Я же в изумлении расширенными глазами наблюдала, как бабулечка ещё несколько раз приложила главу мафии книгой божией по задку, выставляя его за ворота монастыря, а когда монашки заперли массивный затвор, легко подкинула эту книжку и, пританцовывая, направилась к нам.

— Ну точно... — расстроено шепнул Ральф. — Сейчас и нам достанется. Б***, я так хотел сегодня выспаться. День рождения называется.

Наутро я, сонная, сидела за длинным столом в общей столовой монастыря и клевала носом. Бабуля — монстр и изверг — радовалась за нас с Ральфом часа два, трясла библией, обещала мне искупление всех грехов, если я стану светочем для заблудшей души Ральфа. Я, как только видела чёрную книгу в кожаном переплёте, поднятую над головой сухонькими ручками, так сразу просыпалась и садилась прямо. У Ральфа практики, видимо, было больше, он осторожно толкал меня в бок, чтобы я не заснула во время воодушевлённой речи его старшей родственницы. А когда проповедь была закончена, нас с ним разделили, и я с миром уснула под своим собственным одеялом.

Когда же услышала колокол, то от страха подпрыгнула на жёсткой и узкой койке и в первые минуты не могла понять, где я. Комната не моя, а одеяло моё. В голове не сразу прояснилось, и теперь я сидела и уныло ковыряла ложкой овсяную кашу. Кто же её в этом доме божьем так безбожно испортил? Каша на вид была как клейстер и на вкус тоже.

— Адочка, милочка, это очень полезно, — ворковала рядом тётушка Тиффани, помощница настоятельницы, обожающая моего Ральфа. Они с бабулей и вырастили его, а

теперь рады были, что молитвы их были услышаны и их чадо обратилось к свету, открыв сердце для любви и сделав правильный выбор в моём лице.

Я тяжело вздохнула, взяла в рот новую порцию каши, пытаясь не кривиться. Соли пожалели, масла тоже. Как эту дрянь монахини едят каждый день?

— Молодец, — похвалила меня тётушка Тиффани, подталкивая ко мне стакан с чистой водой.

— А Ральф где? — в который раз спросила, прожевав кашу.

— Так спит, — безмятежно наконец-то ответила эта вредина, с ангельской улыбочкой поглядывая на меня честными-пречестными глазами. Теперь я прекрасно понимала отца Ральфа. Монахини несносны!

— А давайте я его разбужу, — предложила я, вставая из-за стола.

— Так как же это! — всплеснула руками тётушка Тиффани. — Девица и к мужчине в келью входить!

— А что такого, он же мой жених, — подсказала я дамочке, что в этом нет ничего зазорного.

— Полноте, сам встанет, не маленький. Скоро отец его приедет. Ты кушай, миленькая. Смотри, тощая какая.

Тётушка Тиффани не давала мне отойти от стола, вновь усадила и погладила по волосам. Я же безропотно села обратно. Где Ральф мне не говорили, зато выделили белые тапочки, очень подозрительные такие, огромные. А ещё предлагали платье поменять на наряд послушницы, но я вежливо отказалась, считая это кощунством.

Отец Ральфа, да и сам сыночек, появились как раз тогда, когда меня проводили в келью настоятельницы, откуда шёл умопомрачительный аромат вкусной еды. Я обрадованно воззрилась на яства на столе, и даже не сразу сообразила, кто передо мной и забыла испугаться. Меня усадили рядом с Ральфом, напротив нас сидел его отец, за спиной которого возвышались Фред и Билл, бабулечка во главе стола.

— Ну что же, все в сборе, можем приступить к молитве, — она склонила голову, сложила вместе ладошки, а я смотрела и не могла насмотреться на сочную, поджаристую индейку, такую огромную, что она возвышалась над столом, закрывая пол-лица главы мафии.

Тот недобро косился на меня, поглядывая на румяную корочку, от которой поднимался пар, а запах исходил такой, что желудок сводило от голода. Ральф погладил меня по коленке, отвлекая от переглядывания с отцом. А я только-только присмотрела себе кусочек индейки, аппетитный, наверное, вкусный.

Вдруг бабушка ударила по столу, ругая нас с Ральфом.

— Дети, не в доме божьем. Потерпите. Вот придёт святой отец и благословит вас, вот тогда и уедете к себе домой, и занимайтесь, чем хотите. А пока молитесь и благодарите господу нашего за дары его.

Я, густо покраснев, скинула ладонь Ральфа со своей коленки. Стыдно мне так не было с детства. Мама у меня не такая строгая, я бы даже сказала, совершенно не строгая. Мысли мои опять вернулись к свадьбе. Как же быть? Метнула взгляд на отца Ральфа, тот ответил мне победным блеском стальных глаз и хитрым прищуром.

— Ну что ж, помолились, теперь можно и обсудить некоторые моменты свадьбы. Венчание будет закрытым. Когда приедут родители Ады?

Я икнула, испуганно взглянула на Ральфа, тот закатил глаза, обнимая меня за плечи, притянул к себе.

— Я уже говорит тебе, глухая карга, через полчаса! — вызверился мафиози.

— Это было десять минут назад! — не унималась бабулечка. — Хрен рогатый! Ты уверен, что они едут?

— Да! — рывкнул тот в ответ так, что стёкла в окнах зазвенели, а я икнула второй раз.

— Не реви, как в ж... кхе-кхе, как медведь, — поправилась настоятельница, покосившись на меня, — совсем девочку запугал. И ешь уже, а то совсем оголодал, нормально разговаривать не можешь. Ральф, чего сидишь, обслужи дам.

Манерно и чопорно поджав губы, бабулечка следила, как её внук мастерски отрезал для меня и неё солидные куски от индейки, отломил себе окорок, а затем его отец пододвинул к себе блюдо с индейкой и, облизнувшись, стал отрывать от птицы куски руками.

— Варвар, — ласково произнесла настоятельница, вдруг с нежностью поглядев на отца Ральфа.

— Итак, дети, — не дав даже прожевать, вновь обратила своё внимание на меня бабуля. — Надеюсь, вам понравится церемония, отец Адам прибыл по первому моему требованию из столицы! Он самый уважаемый святой отец среди нашего духовенства, к нему записываются чуть ли не за год вперёд! Но ради меня он прилетел, чтобы провести обряд венчания для вас, мои хорошие.

Я скомкано поблагодарила настоятельница, даже близко не представляя, о ком она говорила, но с таким намёком, что я просто должна визжать от радости.

— Бабуля, ты у меня самая лучшая! — у Ральфа благодарность вышла более натуральная, хотя с его-то опытом и немудрено.

Я же беспокоилась о своих родителях. Что будет, когда они приедут? Разразится страшный скандал, да мама ни за что на свете не согласится на брак, а отец... А вот отец может, он же Ральфу тогда так и сказал, что отстрелит ему всё самое дорогое, если он решил со мной поиграть. А тут венчание, всё серьёзно.

Родителей привезли члены банды, отец пытался храбриться, ругая дюжих парней с бритыми висками и в спортивной форме. Их агрессивный вид был устрашающим, и моя мамочка, бледная как саван, робко вышагивала вдоль прохода между лавками церкви. Я стояла в подвенечном платье, которое мне подарил отец Ральфа, в новых туфлях и тихо злилась.

— Ральф, пусть перестанут её толкать, — приказала я своему жениху, стоящему рядом в чёрном смокинге и в начищенных до блеска ботинках. Тот лишь вздохнул и спустился по ступенькам, приближаясь к моим родителям. Он рыкнул на парней и те отошли от моих родных на шаг. Отец Ральфа вальяжно сидел на первой лавочке, закинув руки на спинку, с усмешкой поглядывал на представление под названием венчание.

Неожиданно женский хор затянул красивую песню, а к алтарю вышел чернокожий святой отец в белой рясе, подбитой золотой парчой.

— Поднимите руки, ибо в этот миг прямо здесь вершится чудо!

— Аллилуйя! — радостно затянул хор, а я в ужасе оглянулась на родителей, которых Ральф усадил по другую сторону от своего отца на лавку, затем вернулся ко мне и взял под руку. Я попыталась улыбнуться папе и маме, а те в изумлении только и могли, что тихо перешёптываться да озираться.

Бабулечка в этот миг подошла к нам, держа в руках поднос с обручальными кольцами, и встала рядом со святым отцом.

— В этот миг вершится истинное чудо! Уверуйте! Вот он прямой пример истинной веры! Двое влюблённых решились на отчаянный шаг — идти по жизни вместе. Их любовь истинная! Это свет божий снизошёл до их сердец и наполнил их, рождая самое прекрасное чувство в этом мире!

— Аминь!

— Истинно веруйте!

— Аминь!

— Это надолго? — тихо шепнула я Ральфу.

— Не думаю. Отец больше пятнадцати минут не выдержит.

— Возрадуемся! — с новой силой вскричал святой отец, пританцовывая под ставшую ритмичной музыку. — Он услышал наши молитвы. Он дарует счастье! И эти двое будут благословенны. Ибо Бог любит нас! Всех своих детей! Аминь!

— Аминь!

— Он любит нас!

— Он любит! — подпевал на балконе женский хор.

— Любит! — заверещал святой отец.

Я в жизни не слышала подобной проповеди и не представляла, что подобным образом можно проводить венчание.

— Клянись, дети, в любви своей, ибо вы будете услышаны! Скрепите свой союз клятвами в вечной преданности и любви!

— Клянёмся! — почему-то подпели монашки.

Я переглянулась с Ральфом, тот пожал плечами и громко выкрикнул:

— Клянусь!

Святой отец даже вздрогнул и испуганно отпрянул, но заметив укоризненный взгляд настоятельницы, быстро взял себя в руки.

— Клянись, что будете любить друг друга в горе и в радости! И в богатстве, и в бедности! И в болезни, и во здравии! Клянись!

— Клянись! — вторили ему монашки.

— Клянусь! — опять рявкнул Ральф, тихо посмеиваясь над нервничающим святым отцом. Я даже развеселилась, понимая, что он это делал специально.

— А ты? — вдруг святой отец указал на меня: — Клянись в верности?!

Вот тут вышла заминка, но под взглядами настоятельницы и святого отца, покосившись на Иисуса Христа, распятого на увесистом золотом кресте, который лежал возле библии и весил, наверно, килограмм пять, не меньше, я вспомнила предостережение Ральфа, сглотнула и тихо пискнула:

— Клянусь.

— Вы слышали? — обратился святой отец к моим родителям. — Они любят друг друга. Слышали? — это он уже у отца Ральфа спрашивал, тот в ответ кивнул. — Истинная любовь как есть благословение отца нашего небесного.

Я всё же представляла лучшего святого отца духовенства несколько иначе, да и музыка всё больше походила на танцевальную, а хор постоянно подвывал: «Аллилуйя, он любит нас». Не свадьба, а фарс какой-то.

— Берешь ли ты, Ада Наполло, в мужья свои этого раба божьего, Ральфа Тартано?

На миг все умолкли, только музыка продолжала ритмично раздаваться эхом под сводами храма. Я оглянулась на родителей, которые, выпучив глаза, обнимались и пребывали от происходящего в ужасе. Было крайне стыдно перед ними, но вдруг вспомнилось, как Ральф рассказывал о своей матери, с какой любовью упоминал бабушку, и опять же наша первая встреча, его желание спасти меня, посиделки на моём диване каждый вечер и обещание не исчезать из моей жизни. Если подумать, то с ним я испытала очень много романтических моментов за какую-то тройку недель.

Ральф толкнул меня локтем, я скосила глаза на золотой крест. Наверное, тяжёлый и будет больно. Сомнения во мне роились, как рассерженные пчёлы в улье. Я обернулась к жениху и стала рассматривать его, отмечая, как он нервничает, но с суровой решительностью ждёт моего ответа. Он не умолял, не хмурил брови, просто стоял и ждал.

— Да, — тихо шепнула и вздрогнула от взывшего в экстазе святого отца.

— О да! Она сказала «Да»! Вы слышали?! Я слышал! О великое чудо! Благословенный день!

Бабуля расплылась в улыбке и стала пританцовывать, фривольно виляя бёдрами.

— Вы слышали? — взывал к моим родителям святой отец, я же смутилась от того, с какой нежностью взглянул на меня Ральф, сжимая мои пальцы в своей ладони.

— Да! — отозвался женский хор, и бабушка кивнула.

— Я слышал это! — воодушевлённо кричал отец Адам. — Но берёт ли Ральф Тартано жены Аду Наполло?

Ральф расплылся в радостной улыбке и торжественно произнёс короткое:

— Да, беру.

Святой отец вновь пустился в пляс, вереща рядом с пританцовывающей бабулей.

— Он возьмёт её, возьмёт! Он хочет её...

Я покраснела от стыда, а Ральф обнял меня и прижал к своей груди.

— Да этому извращенцу даже не представить, как сильно я хочу тебя, цыпа.

— Он хочет взять её в жёны! Возрадуемся! Благословенный день! Отец наш услышал клятвы! Помолимся за счастье благословлённых Господом Богом! Аллилуйя!

— Аллилуйя! — подвывала бабуля, радостно нам улыбаясь.

— Аллилуйя! — пел хор.

— Аллилуйя! — тихо выдохнул Ральф.

— Оденьте обручальные кольца! — приказал святой отец, и бабуля поспешила к нам. Ральф осторожно взял то, что поменьше, и надел его на мой безымянный палец, я также взяла кольцо с подноса трясущимися пальцами, боясь уронить, но всё обошлось и нам позволили скрепить союз первым супружеским поцелуем.

Ральф осторожно поднял вуаль с моего лица и склонился к моим губам.

— Стойте! — рявкнул мой отец, вскакивая со скамьи. — Это что за представление? Почему моя дочь выходит замуж за этого типа? Ада, объяснись!

— Доченька, ты беременна?

Я замотала головой, попыталась оправдаться:

— Нет, мама, нет, что ты!

Позор какой! Что она обо мне подумала!

— Если только не от моего сына! — загоготал мистер Тартано. — Она же не дала ему ни разу.

— Закрой свой мерзкий рот! — взвилась бабушка, подскочила к веселящемуся мафиози

и огрела его подносом по плечу. — Сколько раз говорила тебе: «В доме божьем не выражаются!»

— Доченька, тогда почему? — взмолилась мама и бросилась ко мне, но Ральф притянул меня к себе, не давая нам с мамулей обняться.

— Мы любим друг друга! — громогласно заявил он.

— Они любят друг друга! — пришёл на помощь отец Адам, опять поймав свою волну, и музыка, как всегда, вовремя заиграла, а на балконе завывали подпевалы:

— Любят! Они любят друг друга! Аллилуйя!

— Дочь! — строго крикнул отец, требуя ответа.

— Папа, прости, но это мой выбор.

— Это её выбор! — подхватил мои слова отец Адам, запрокидывая руки.

— Её выбор! — вторили ему монахини на балконе.

— Возрадуемся! Господь благословляет их союз и любовь!

— Аминь! — тонко пропели монахини.

— Слава тебе, Господи! — вскрикнула бабуля, бросаясь нас обнимать. — Мой внучек обрёл свое счастье! Он не достанется Сатане. Его душа попадёт в кущи райские.

— Бабуля, ты меня так задушишь, и я там окажусь раньше тебя, — пропыхтел Ральф, которого бабуля крепко сжала за шею, а меня он предусмотрительно притиснул к себе, явно опасаясь, что моя мама выполнит задуманное и отберёт у него меня.

— Так, хватит мокроту разводить, все на банкет, — строго приказал отец Ральфа, поднимаясь со скамьи.

Банкет проходил в уже знакомом зале и, кажется, гости со дня рождения Ральфа ещё не расходились. Фред и Билл, как обычно, заняли места за спиной своего босса, который усадил нас с Ральфом во главе стола. Мои родители разместились по правую руку от меня. Они с опаской оглядывали разодетых представителей преступного мира и тихо шептали, что если что, то я обязана приехать домой, уж там-то отец спрячет меня и мать в надёжное укромное место. Помнится, как-то давно наш дедушка боялся нападения русских и что-то копал в гараже. Я тогда мала была и не понимала, что такое бомбёжка и уже тем более не представляла, зачем нам бомбоубежище, но сейчас отец так загадочно мне подмигнул, что сразу вспомнился дедуля с лопатой, в каске, на которой светил фонарь.

Я кивнула отцу, осознавая, что надо успокоить их. Мама завывала, что в жизни не представляла, что её дочь вот так вот за её спиной организует свадьбу и даже не пригласит родственников, а их у нас много. В ответ на реплику мамы отец даже развеселился и выпил целый бокал шампанского.

— Оно и к лучшему, — выдохнул он многозначительно, но мама не поняла его сарказма.

— Да, да. Наверное, это же позор. Если кто узнает, кого дочь выбрала в мужа.... Как ты могла, Ада! — страдальчески выдохнула она, а отец мне подмигнул и налил себе очередную порцию шампанского. Папа очень не любил маминых тётушек и её родную сестру, которые никогда не приезжали одни, а привозили весь свой выводок, как выражался отец, что сильно его удручало, и он начинал мечтать о рыбалке, о спокойствии и умиротворении.

Бабушка по другую сторону от нас ругалась с отцом Ральфа, потрясая библией и наставляла его на путь истинный, а также объясняла Ральфу, что бабулечка кое-какие сбережение приберегла для такого светлого праздника, как женитьба единственного и

обожаемого внука. Манти, отец Ральфа, ворчал, что теперь знает, куда ушли его пожертвования, за что получил-таки по голове увесистой книжкой.

— Я на твои пожертвования дом для сирот построила! А ещё больницу для прихожан, и в монастыре много чего справила, а это отложила для внука. Ему тоже нужен дом! Куда бы он подался, если бы тебя пристрелили, как бродячую собаку? Я о внуке забочусь!

Поздравляли нас слаженно, но уже после того, как привезли ведущего. Он был организатором многих свадеб, но, видимо, такой ещё не видел, так как первый час заикался и пытался на бумажке записать имена всех присутствующих. Подарки нам, молодожёнам, дарили кто золотом, кто имуществом, небольшим, но я осознала, насколько Ральф богат.

Мой муж, сложно было его так называть даже мысленно, весь вечер меня целовал и прижимал к себе, крайне мало пил, но подливал мне. Родителей я провожала уже нетрезвая, обещала сразу приехать, как только Ральф меня обидит. Тот заверил их, что они меня не дождутся никогда. Отец подмигнул ему и увёл маму, которая рыдала навзрыд, что её доченька стала настоящей красавицей и досталась такому неотёсанному мужлану, за что получила от бабули проповедь о смирении и божьем провидении. Их увели вместе, и Ральф заверил, что довезут до дома в целости и сохранности. Мне стало грустно без моих любимых родителей и тоскливо от того, что отец Ральфа насел на него, требуя возглавить клан. В какой-то момент моё терпение лопнуло. Я поставила пустой фужер и обернулась к мужчинам.

— Вот чего вы к нему пристали! Ну не хочет он становиться, как вы, несчастным человеком. Думаете, он не видит, как вам тяжело? Видит и переживает за вас. Вы сами-то разве не хотите уже бросить это опасное дело и уйти на покой? Ну, там, рыбалкой заняться, или же дом в пригороде прикупить, где вас будут окружать добропорядочные и отзывчивые люди, где не будет всей этой грязи, — я обвела рукой не обращающих на нас внимания развлекающихся и танцующих гостей.

— Чтобы уйти, я должен оставить после себя преемника! Самая умная? — недовольно нахмурился мистер Тартано.

Но я не испугалась: то ли пьяная была, то ли бабулечкин пример заразителен.

— Ну так выберите другого! Чего к Ральфу-то пристали! Зачем ему портить жизнь? Вот этому портите, — я указала на Фреда, стоящего за спиной босса, который строил мне страшные мины и явно пытался назвать меня сучкой, но соседство с Ральфом его останавливало.

Мистер Тартано и Ральф обернулись на замершего Фреда, затем на меня, переглянулись и вновь уставились на Фреда.

— А это мысль, — пробормотал босс.

Ральф обнял меня за плечи и самодовольно заявил:

— Она у меня умная.

— Да, — кивнул ему отец.

Фред упал на колени и дрожащими руками взялся за ладонь отца Ральфа.

— Я не подведу вас.

— Конечно не подведёшь, — загоготал тот в ответ, — а то сдохнешь, как блудливый кобель, без своего дружка, которого я заставлю тебя сожрать, если только посмеешь очернить моё имя. Понял меня? Станешь приёмным сыном моим и восьмым.

Под радостный вой бандитов мы с Ральфом покинули вечеринку, и уже в машине муж рассказал, где пропал целую неделю. Он, оказывается, прикупил автомастерскую и

занимался наймом работников. Всё это он делал, чтобы обеспечить нам безбедное будущее. Он и в самом деле собирался сделать мне предложение, только чуть позже.

— А отец давно хочет отойти от дел, — с грустью тихо рассказывал Ральф, ласково перебирая мои волосы, пока мы ехали ко мне домой. — Он хороший автомеханик. Я, наверное, его к себе возьму. У него золотые руки. В детстве мы часто вместе перебирали ворованные тачки. Он меня многому научил.

В моей квартире всё оказалось по-старому. Чуть больше суток меня не было, а казалось, словно год прошёл. Столько всего случилось в моей жизни, что я чувствовала себя уставшей. Ральф помог снять платье, ласково целуя, поглаживая. Я с замиранием сердца стояла к нему спиной и млела. Мы прихватили с собой бутылку шампанского, которое Ральф разлил в чашки, так как у меня не было в этой квартире бокалов. Когда я вернулась из душа в ночной сорочке, он лежал на моей кровати, держа чашки в руках, и предложил тост за нас и наше счастливое семейное будущее. Я же подумала о другом.

— Ральф, но твой отец выбрал другого преемника, значит, мы можем развестись. Мне же ничего уже не угрожает?

Холодные стальные глаза пригвоздили меня к месту. Я сидела у изголовья и понимала, что ляпнула глупость, теперь, когда я стала его женой, он не отступится.

— Ты невыносима, женщина. Вечно всё портишь, — прошипел он и осушил чашку, затем налил себе ещё шампанского.

Я тяжело вздохнула, пригубила напиток.

— Но я же не люблю тебя, Ральф. А вдруг я встречу...

Чашку у меня отобрали и порывисто поцеловали. Он застал меня врасплох, и я не знала что делать. Его губы сминали мои, а язык требовательно рвался проникнуть в рот. Ральф меня подмял под себя, пробрался рукой под ткань трусиков, и я возмущённо пискнула, хотела его остановить, но застонала, когда его пальцы проникли в меня, принося удовольствие. Поцелуй тут же стал нежным, ласковым. Ральф знал, что делал, прошёлся губами по подбородку, добрался до ушка, до моей заветной точки, от поцелуя в которую меня словно током пробило. Я цеплялась за руки Ральфа, задыхалась от удовольствия и даже не уловила момент, когда он оказался обнажённым. Его горячая плоть дразняще погладила складки, скрывающие возбуждённое средоточие моего желания, прежде чем проникнуть в лоно. Медленно, осторожно, боясь причинить боль, Ральф следил за мной, глядя в глаза, и проникал всё глубже. Я выгибалась под его натиском и жалобно застонала, когда Ральф вышел из меня.

— Хочешь меня? — тихо шепнул самодовольно этот наглец, и я кивнула, крепко обняла его за шею.

Да, очень хотела, чтобы он оказался внутри. Мне нравилось всё, что он делал со мной. И опять его движения были медленными и осторожными. Я таяла, погружаясь в это давно забытое удовольствие. Так давно у меня не было мужчины. Да и то, что было, уже стёрлось из памяти. Сейчас я словно заново рождалась, распускалась для своего мужа. Ральф видел, что творил со мной, срывал с моих губ поцелуи, заставлял стонать, и звать его. Скоро его движения стали нетерпеливыми, резкими, но и тогда я пребывала в полном восторге, полностью отдаваясь ему на милость, слушая его шёпот, извивалась в его руках и отвечала на поцелуи.

Неистовый, неутомимый, он не раз менял презервативы, аккуратно завязывая использованные, прежде чем бросить их на пол. Заснули мы лишь перед рассветом. А утром

я проснулась под отборную брань Ральфа и жалобный звон будильника.

— Какого х*** он звонит так рано? — рычал муж, глядя на меня.

— Мне на работу, — отозвалась в ответ, взвизгнув, когда наступила на одну из мин, щедро разбросанных на полу. Использованный латекс с белой мутной субстанцией внутри напомнил мне, что я теперь замужем за диким, невоспитанным грубияном, который довёл-таки меня до экстаза, как и обещал. И я была счастлива. По-настоящему счастлива.

С улыбкой взглянула на хмурого Ральфа, у которого глаза ото сна не открывались.

— Какая работа? Мы сегодня улетаем в свадебное путешествие. Так что спи, у нас есть ещё время.

— Ральф, — возмутилась я, — а как же моя работа?

— Увольняйся, я могу тебя обеспечить. Зачем тебе работать?

Возмутительный хам опрокинул меня на себя и укрыл одеялом.

— Но как же... Я же должна помогать детям...

Ральф застонал, прикрыв рукой глаза.

— Цыпа, не зли меня. Бабуля целый дом для сирот построила. Захочешь работать — поработаешь там. А с государственной службы уйдёшь. Ну не твоё это. Не твоё. Вечно вляпываешься в неприятности.

Я открыла рот, затем закрыла. Что можно сказать на подобное заявление? Только обидеться, но обижаться невозможно, когда тебя нежно целуют, переворачивают на спину, медленно раздвигают ноги, хитро ухмыляясь.

— У меня есть для тебя хорошая работёнка, женушка, — глумливо заявил Ральф, — погреть моего дружка. Он так давно мечтал оказаться в тебе...

Нет, он невыносим! Нужно срочно его перевоспитывать! Да, теперь я знаю, чем займусь в ближайшем будущем — буду воспитывать своего мужа.

Я легко закинула ноги на бёдра Ральфа, стискивая их, и застонала, когда почувствовала его горячую плоть в себе.

— Прости, Ральф, но попотеть придётся тебе, — ответила ему с самодовольной улыбочкой, намекая на то, что я-то буду лежать и получать удовольствие, а вот он...

Муж рассмеялся, кажется, мы поняли друг друга.

— Знаешь, в женитьбе есть очень много плюсов. И первый среди них в том, что я могу в любой момент тебе вдуть, и ты не сможешь отказать. Это твой долг — раздвигать передо мной ножки.

— Ральф! Ты невыносимый грубиян! — вскрикнула я, обижаясь, и хотела уже выбраться из-под него, но он резко дёрнул бедрами, и я застонала, забывая обо всём на свете.

— Я же говорил, что я ох***...

— Заткнись! — взмолилась я, не в силах вынести его похабщину в такой прекрасный момент, когда он так глубоко во мне. Ральф хохотнул и страстно поцеловал меня в губы.

И зачем вообще я согласилась стать его женой!

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net